Демьян Бедный

Старое и Новое

Зиф

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3476
.B37
S72
1928

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00007556003

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
SEP 12 2002			
SEP 12 2002			

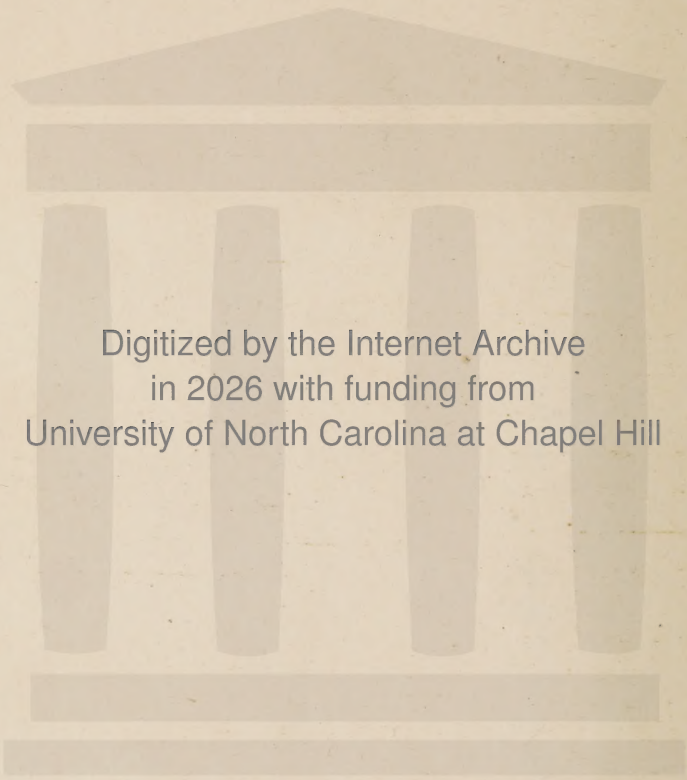
Form No. 513, Rev. 1/84

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL

00007556003

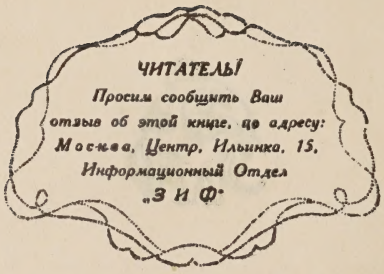
This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the … date stamped under "Date Due." If not on hold it may … bringing it to the library.

[illegible]



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/staroeinovoeiuno00bedn


ЧИТАТЕЛЬ!
Просим сообщить Ваш
отзыв об этой книге, по адресу:
Москва, Центр, Ильинка, 15,
Информационный Отдел
„З И Ф"

Б — 38

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

PG3476
.B37
S72
1928

СТАРОЕ И НОВОЕ

(ЮНОЙ ГВАРДИИ)

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Допущено Государственным Ученым Советом
в школьные библиотеки

STAROE I NOVOE
(IUNOĬ GVARDII)

„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА"
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Обложка художника Г. Беренгоф
Отпечатано в типографии Госиздата
„Красный пролетарий". Москва,
Пименовская улица, дом 16.
В колич. 7.000 экз., 14 л.
Главлит № А—4355
MCMXXVIII

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

Демьян Бедный

ОПРАВДАННАЯ

Страна — святотатств, монахов,
Церковных лож и сплетен,
Коррумпированных вертопрахов
Семинударных [illegible], —

Страна погромов и парадов
Дворцов и ~~грязных~~ радужных светящих туч,
Страна изысканных нарядов
И прелых, натруженных онуч, —

Страна невиданных проектов,
Страна безумных теогоний,
Страна ~~бесплатных~~ [illegible] разговоров,
Страна зверских [illegible].

Страна с гранитными столбами
И деревянными дворами,
Страна с ~~бесплодного~~ ~~[illegible]~~ прекрасным замком
И неработающим [illegible], —

Страна насилья и безумств,
Страна — террора, без конца
Весна ты хаоса без начала,
Без содержания, без лица

Казалось, дали твои уже слепы
И нет спасенья впереди.
Тебя звали твои поэты:
— Сгинь, навсегда! — Пропади! —

~~Ты пот~~
~~И тем и~~
~~Ты гибла~~

Ты — в шутках. — гибла, погибала
И, разрешилась до конца,
Свет упорно тем лишь озарила,
Что шару — [illegible] была.

ОПРАВДАННАЯ

Страна—святителей, монахов,
Церковных ликов и свечей,
Порфироносных вертопрахов,
Синемундирных палачей,—

Страна—погромов и парадов,
Дворцов и—рядом—свальных куч,
Страна—изысканных нарядов
И прелых каторжных онуч,—

Страна—невиданных просторов,
Страна—безмерной тесноты,
Страна—культурных разговоров,
Страна звериной темноты,—

Страна—с гранитною столицей
И деревенскою трухой,
Страна—с измызганной „землицей"
И первобытною сохой,—

Страна—насилья и бесправья,
Страна—терпенья без конца,
Была ты книгой без заглавья,
Без сердцевины, без лица,—

Казалось, дни твои уж спеты,
И нет спасенья впереди.
Тебя кляли твои поэты:
— „Сгинь, наважденье! Пропади!!“

Ты—в муках—гибла, пропадала
И, разоренная до тла,
Свой жребий тем лишь оправдала,
Что миру—Ленина дала!

1927

Истинное имя поэта Демьяна Бедного—Ефим Алексеевич Придворов. Родина его—Украина. Происходит он из крестьян. Ему пришлось пережить тяжелое детство. Семья его была бедна, а жизнь сурова. Отец не жил дома. Он служил в городе в качестве чернорабочего. Мать обращалась с мальчиком жестоко, и он избегал своего дома. С ребятами проводил он на улице целые дни, на проселке, у кабаков, где толпился народ, на рынках, был большим любителем ярмарок. Мать много его била и мало кормила. Он частенько голодал, побирался, зарабатывал медные трехкопеечники, читая псалтырь по покойникам, иной раз приходилось получить пятак от пьяной ватаги за игру на гармони или за написанное письмо или прошение. Служил он и в пастушках. Босой, голодный, он рано пристрастился к чтению, любил жития святых, питал интерес к стихам. Учился он в сельской школе, и учился охотно и успешно.

На тринадцатом году жизни будущий поэт попадает—в силу ряда случайностей—в киевскую военную фельдшерскую школу. Здесь он пробыл четыре года. Военная муштра оказала немалое влияние на сельского подростка, попавшего из нищеты и убогости глухой деревушки в налаженную колею организованной военщины. Дисциплина и система воспитания, в духе преданности „вере, царю и отечеству", оставили свои следы на долгие годы. Только

в 1908 году освободился он окончательно от гипноза патриотизма и верноподданничества.

В 1900 году он окончил курс и, получив звание военного фельдшера, восемнадцатилетним юношей вернулся на родину. Так как обучался в школе он на казенный счет, то ему надлежало отслуживать в армии свои обязательства, и быть бы ему навеки-веков военным „хвершалом", пьяницей, чинушей и мелким взяточником, какими бывали фельдшера в большинстве. Но в жилах юноши текла буйная кровь будущего поэта-большевика. Его не засосала мещанская цвель захолустья. В 1904 году он выдерживает испытание на аттестат зрелости (так назывался диплом за полный курс гимназии) и поступает в университет.

Вступление в университет произошло не без колебаний. Суть в том, что девять лет пребывания в военной среде наложили свой отпечаток. Перед Придворовым открывалась военно-строевая карьера. Ему советовали итти в юнкерское училище, соблазняли военной карьерой. К этому времени он приобрел знакомства, были связи, нашелся могущественный покровитель. Но эти соблазны прошли мимо. Будущий поэт стремился в университет, и эта мечта наконец-то сбылась. Он с жадностью отдается занятиям. Классическая литература, языкознание, история влекут его, как жаждущего путника—свежий ручеек. С устремленностью фанатика отдается он наукам. А нужда сторожит у порога студенческой обители: надо давать грошевые уроки, изворачиваться, голодать, сражаться с каждой прорехой, с развалившимися не во-время сапогами, с голодом, нищетой.

Придворов стал писать очень рано. Уже на скамье фельдшерской школы он пробовал свои силы. Его

творчеством заинтересовался преподаватель русского языка, поощрял его опыты, хранил его стихи, а одно из них напечатал в каком-то духовном журнале. Уже в звании военного фельдшера, Придворов как-то написал стихотворение и послал его в киевскую газету. Но все это были шалости. В 1908 году в будущем сатирике и агитаторе просыпается поэт гражданской скорби. Творчество этого периода окрашено мрачным настроением, созвучным годам реакции. Наконец, в конце 1908 года поэт отправил первые стихотворения в журнал „Русское Богатство". Стихи были приняты и напечатаны. С этого времени он не бросает пера, пишет все чаще и больше, сперва в названном журнале народнического направления, а с 1911 года он определяется как революционный марксист и становится постоянным сотрудником большевистской печати. Вот как рассказывает он сам о своей жизни:

Автобиография Демьяна Бедного

Придворов, Ефим Алексеевич, крестьянин села Губовки, Херсонской губ., Александрийского уезда—таково мое подлинное имя и звание. Родился я 1/13 апреля 1883 года в вышеназванном селе. Помню я себя, однако, сначала городским мальчиком — лет до семи. Отец тогда служил сторожем при церкви Елисаветградского духовного училища. Жили мы вдвоем в подвальной каморке на десятирублевое отцовское жалованье. Мать с нами жила редкими временами, и чем эти времена случались реже, тем это для меня было приятнее, потому что обращение со мной со стороны матери было на-редкость зверское.

С семи лет и до тринадцати мне пришлось вытерпеть каторжную совместную жизнь с матерью в деревне у деда Софрона, удивительно душевного старика, любившего и жалевшего меня очень. Что касается матери, то... если я остался жильцом на этом свете, она менее всего в этом повинна. Держала она меня в черном теле и била смертным боем. Под конец я стал помышлять о бегстве из дому и упивался церковно-монашеской книгой: „Путь ко спасению".

Спасение пришло с другой стороны. В 1896 году „волею неисповедимых судеб“ попал я не в елисаветградскую обойную мастерскую, куда меня было уже сговорили, а в киевскую военно-фельдшерскую школу.

Жизнь в военно-учебном заведении—после домашнего ада — показалась мне раем. Учился я старательно и успешно. Казенную премудрость усвоил настолько основательно, что это сказывалось даже тогда, когда я был уже студентом университета: долго я не мог отделаться от военной выправки и патриотической закваски.

Влезши в военный мундир, когда мне было тринадцать лет, вылез я из него, когда мне пошел двадцать второй год. В 1904 году, выдержав экзамен в качестве экстерна за полный курс мужской классической гимназии, поступил я в Петербургский университет на историко-филологический факультет.

После четырех лет новой жизни, новых встреч и новых впечатлений, после ошеломительной для меня революции 1905 — 1906 годов и еще более ошеломительной реакции последующих лет я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение. В 1909 году я стал печататься в короленковском „Русском Богатстве“ и очень близко сошелся с известным поэтом-народовольцем П. Я. (П. Ф. Якубовичем-Мельшиным). Влияние П. Я. на меня было громадно. Смерть его—через два года—перенес я как ни с чем не сравнимый в моей жизни удар. Однако только после смерти его я мог с большей независимостью продолжать свою эволюцию. Дав уже раньше значительный уклон в сторону марксизма, в 1911 году я стал печататься в большевистской—славной памяти — „Звезде“. Мои перепутья сходились к одной дороге. Идейная сумятица кончалась. В начале 1912 года я был уже Демьяном Бедным. (Об этом см. статью тов. М. Ольминского в книге: „Из эпохи Звезды и Правды“.)

С этого времени жизнь моя, как струнка. Рассказывать о ней — все равно, что давать комментарии к тому немалому количеству разнокачественных стихов, что мною написаны. То, что не связано непосредственно с моей агитационно-литературной работой, не имеет особого интереса и значения: все основное, чем была осмыслена и оправдана моя жизнь, нашло свое отражение в том, что мною—с 1909 года по сей день — написано.

Москва. 20 сентября 1921 г.

А написано за эти годы много. Сейчас выходит собрание сочинений Демьяна Бедного в десяти томах, но здесь собрано далеко не все. Многое еще не опубликовано, и следующее издание собрания сочинений, надо полагать, будет много полнее. При всей своей продуктивности, поэт обладает даром быть всегда свежим и не повторяться. Чем объяснить это? Прежде всего, разумеется, могучим талантом. Но одного дарования мало. Оно давно иссякло бы бесследно, если бы не питалось рационально организованным трудом. Работоспособность Демьяна Бедного поразительна. Он может трудиться часами, сутками. Он много читает и широко образован. Демьян—редкий знаток и любитель книги. Печатные труды по различнейшим отраслям знаний заполняют его рабочую комнату. Этнография, социология, поэтика, статистика, экономика, филология и многое другое занимает его и вызывает его интерес. Готовясь к теме, он роется во множестве материалов. Каждое его положение взвешено, всякая высказанная мысль отмерена, каждое слово проверено. Демьян тщательно изучает русский язык. Его стихи—при всей их простоте—прекрасный образец культурной русской речи. Филологические его познания—продукт настойчивого и тщательного изучения: эрудиция его в этой области весьма значительна.

Книга и газета—его орудия. Он получает десятки газет со всех концов СССР и из-за границы и, просматривая их, отмечает и вырезывает то, что почему-либо привлекло его внимание. Газета нужна Демьяну, как воздух: ведь он—поэт газетного листа.

Демьян Бедный—поэт новой формации. Он впервые утвердил у нас стиль газетного поэтического фельетона. Он довел фельетон до сознания самых широких масс.

Тема его фельетона—сама жизнь. Сегодня он пишет о снижении цен, вчера—о хулиганстве, завтра—о пионерах, о Чемберлене, о проворовавшемся кооператоре, о пьянствующем коммунисте и пр. Читают ли ребята эти фельетоны? Думается, что читают, тому имеются доказательства. В подтверждение можно привести множество писем, что приходят в адрес Д. Бедного от школьников, пионеров, от классных групп и одиночек—мальчиков и девочек. Ребята извещают его, что выбрали его почетным пионером или барабанщиком отряда, что хлопочут о разрешении именоваться их школе школою имени Д. Бедного, что желали бы вступить с ним в переписку, сообщают ему о своей успешности, просят прислать портрет, показывают свои стихи и пр. Юные поэты-школяры свидетельствуют свое восхищение от прочтения того или иного его фельетона. Письма эти показывают, что ребенок не только читает Демьянов фельетон в газете, но и уясняет себе в полной мере его общественный вес. Юный читатель оценил Д. Бедного как газетчика. В качестве любимого поэта Демьян известен, самым широким кругам, в самых глухих, медвежьих углах. Прочитаем письмо Алеши Калимова—одно из многих:

Здравствуй, дедушка Демьян!

Мне хотелось Вам написать письмо, потому что Вы поэт пролетарский, с целью еще больше углубить мое знание насчет Вас. Не Ваш ли голос звучит по СССР? Разве не знают тебя в нашей некультурной деревне? Всякий восьмидесятилетний старик и маленький мальчишка знают имя: Демьян Бедный. Мне очень охотно знать Ваш почерк и портрет? Вы, как из газеты я видал, толстый такой и с поэтическим лицом. Я тебе освещаю наш северный край. Где мы находимся, народ некультурный, занимаются сельским хозяйством, все еще у нас трехполье. Может быть, Вы слыхали город Усть-Вымь на берегу Вычегды,

вот тут близко я и нахожусь. Дедушка Демьян, Вы не откажите, что я у Вас буду требовать. Вы мне напишите ответ, напиши стихотворение, чтобы посвящало о пионерах, и пошли свой фотографический снимок, я это у Вас прошу. Если удовлетворишь, буду очень рад.

Вчера ходил на комсомольский субботник, там сильно замерз, и сегодня у меня голова болит.

Дедушка Демьян, мы, пионеры, организовали кружок моделистов, и модель моноплана назвали „Наш ответ Чемберлену" и еще сделали мавзолей Ленина и противогаз.

Остаюсь с ленинским пионерским приветом Алексей Калимов.

Никогда не забуду тебя, Ваших стихов.

1 ноября 1927 года, прилагаю адрес.

Таких писем он получает множество. Его любит школа, любит и ценит, потому что он педагогичен. Он педагогичен своею искренностью и глубоким знанием жизни. Он педагогичен бодрящим своим смехом, веселым, задорным. Он педагогичен в своем качестве поэта-публициста. Школа еще недостаточно его использует. Особенно прискорбно, что мало его используют там, где он педагогически неоценим: в сфере антирелигиозного творчества. Конечно, здесь нужна продуманная осторожность, иначе неумелая агитация может вызвать противоположный результат. Но зато именно у Демьяна педагоги найдут лучший художественный материал для утверждения безрелигиозного воспитания. Надо сказать, что наше учительство не вполне еще овладело искусством антирелигиозного воспитания, а местами даже мало этим интересуется. В Нижнем-Новгороде в 1924 году было произведено обследование читательских интересов педагогов. Результаты обнаружили, что по вопросам религии литература берется не часто: 2% книг приходится на эту отрасль.[1] Лев Толстой

[1] „Красный Библиотекарь", № 11, за 1925 г.; взято из „Вестника Просвещения", № 1, 1926 г., стр. 127.

писал: „Преподавание закона божия детям есть самое ужасное преступление. Истязание и убийство детей ничто по сравнению с этим преступлением. Чистый ребенок приходит к нам с вопросом, как жить, а мы отвечаем ему грубой легендой о творении мира, не согласной ни с разумом, ни с современным знанием, ни с человеческой совестью". Нынче в советской школе уже нет закона божия. Но семья, улица, окружение оказывают еще свое влияние, и религиозность просачивается значительной струйкой в сознание ребенка. Между тем, разве может наша школа, задача которой—насаждать научное миросозерцание,—разве может она пройти мимо самого яростного врага науки—религии? Материалистическое понимание природы и человеческого общества не мирится с богооткровением и всею системой религиозного дурмана, и школа наша должна помочь утверждению материалистического миросозерцания. Найдет ли это отклик в сердцах учащихся? При правильном подходе—несомненно. Вот мнение тринадцатилетнего атеиста-максималиста: „Гоголь и Толстой должны быть исключены из школы. У Гоголя—всё ведьмы и черти, а у Толстого—бог,—опиум для народа" (из анкеты провинциальной школы).

Этот школьник смотрит наивно, но по существу его взгляды шире взглядов Льва Толстого, ибо этот последний высказывался против официального православия и в то же время являлся апостолом о ч и щ е н н о г о христианства. Конечно, мы не будем изгонять из библиотек ни Гоголя, ни Толстого, но должны бороться против религиозного дурмана, и в этой работе творчество Демьяна Бедного—одно из лучших орудий.

А. Ефремин

I. НОВЬ

В буднях повседневности мы подчас не замечаем того нового, что складывается в стране пролетарской власти. Между тем, стоит лишь внимательно приглядеться, и тотчас увидишь, что именно в СССР строится новая жизнь.

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость и нужда...
Ой, ты, времечко лихое,
Мои юные года!

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протаптывал я путь.

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал, наискосок,—
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

Нынче красной молодежи
В дядьки я уже гожусь.
На ребяческие рожи
Всё гляжу—не нагляжусь.

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол,

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:
— „Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?

Враг стоит пред грозной карой,
Мы—пред заревом побед!“

Юной гвардии от старой
Героический привет!

1922

„КУРИНЫЙ БРОД“

ПОВЕСТЬ[1]

Деревенскому комсомолу

1

А и что ж это, братцы, за такая река?
До чего глубока!
До чего широка!
Промеж двух деревень эвон как растекается!
Запоет ли комар на одном берегу,
На другом берегу, на зеленом лугу,
Злопевучий комарик другой откликается:
— З-з-з-з!
— З-з-з-з!
— З-з-з-з!

Как на этой реке, на „Курином Броду“,
Стреха в стреху, одна у другой на виду,
Две деревни стоят, деревушечки,
Обомшалые две вековушечки:
Слева—Тяпкино,
Справа—Ляпкино!
Под мужицкой нуждой
Присогнулися.

[1] Подлинная быль. См. „Брянский Рабочий“, 25 февраля 1925 г. „Мост“. (Прим. авт.)

Вековою враждой
Захлебнулися.
— Гей вы, тяпкинцы!
— Гей вы, ляпкинцы!
— Гей, слюнявые!
— Гей, гугнявые!
— Посчита-им-си!
— Поквита-им-си!

2

Спокон веку в таком-то сердечном ладу
Жили две деревушки на „Курином Броду“,
Мужики, ежли встретиться где приходилося,
Друг на друга глядели, равно бирюки.
А с чего это зло промеж них зародилося,
Так того не упомнят уже старики.
Говорят—те и эти:—„Межа в неисправности!“
— „Эвон, целая к ним отошла полоса!“
Кем подвох учинен, позабыто по давности,
Разделилися надвое их голоса:
— „Знамо, тяпкинцами!“
— „Знамо, ляпкинцами!“
— „Планты старые ежли б...“
— „А планты-то где?“
— „Говорят старики, что сгорели в суде“.
— „Кабы планты нам енти. Там всё обозначено:
Сколько лугу отхвачено...“
—„Кем же отхвачено?“
— „Знамо, тяпкинцами!“
— „Знамо, ляпкинцами!“

Там и тут помешался от злобы народ,
Ежедневно сходясь матершинить на „Брод“:
—„Подавиться вам, ироды, нашей
землицею!“
— „Сто чертей вам на каждую вашу гряду!“
А всей спорной землицы—накрыть рукавицею:
Заболоченный клок на „Курином Броду“!

3

Парни—той и парни—этой,
Сторона со стороной,
В злобе, водкой подогретой,
Лезли на стену стеной.

Федька тяпкинский—вояка.
Петька ляпкинский—герой.
— „На-ва-лис-си!“—„Федька, шмякай!“
— „Не под-дайс-си!“—„Петька, крой!“

Федька, глядь, сучит ногами.
А у Петьки—вдрызг мозги.
Крепко с лютыми врагами
Бились лютые враги.

Там—рассеченные брови,
Тут—до уха рваный рот.
Каждый праздничек от крови
Багровел „Куриный Брод“.

А любовь-то что ж? Игрушки?
Но обычай—что закон.

Две враждебных деревушки
Не роднились испокон.

Парни—в той и парни—в этой.
Девки—там и девки—здесь.
Бредил Фролка Лизаветой,
Истомился парень весь.

У девчонки—вспухли веки,
Выла ночью у ворот.
Парня с девкою навеки
Разлучил „Куриный Брод"!

4

Сойдутся тяпкинцы: тот чешет поясницу,
Тот лысину скребет, тот шапку оземь—хвать!
— „Как в город на базар, аль с бабою в больницу,
Так Ляпкина не миновать!"

То ж ляпкинцы ворчат:—„На праздник ли престольный,
Или дитё крестить, иль в волостной совет,
Тьфу!—Мимо Тяпкина сыскать бы путь окольный,
А ездить прямо—силы нет!"

Зло-неприветлива околица чужая,
Встречает гиканьем:—„А-ту их! Чужаки!"
Лицом темнеют, „Брод" гнилой переезжая,
И те и эти мужики.

5

— „Но! Н-но, лошадки!“
—„Ех вы, пти-цы!“
— „Ух, м-мать... честная!“
—„Вы-во-зи!!“
Телеги—эта по ступицы,
А та до кузова—в грязи.

Трещат гужи, свисают дуги...
Клячонки дышут тяжело,—
От кнутовищ и от натуги
Их в три погибели свело.

— „Ех, вы-во-зи... слюнявым на-зло!“
— „Гугнявый ч-чорт, сломал мне ось!“
Немало здесь телег увязло
И лошадей надорвалось.

Мосток тут был бы всем утехой.
Мысль мужикам и не чужда,
Но трезвым замыслам помехой
Была мужицкая вражда.

6

— „Митяй, гляди! Не потеха ли?
Товарищи из города приехали!“
Созвали товарищи тяпкинцев-ляпкинцев на сход.
— „Надо ставить мост через „Куриный Брод“.
Граждане, вы понимаете сами...“
Граждане сопели носами.

— „Не мучиться ж вам без мосту вечно".
— „Оно, конечно..."
— „Не без конца ж вам себя и лошадок
морить".
— „Што и говорить!"
— „Весь мост в полдня сколотить можно
прочно".
— „Оно точно..."
— „Ну, так что ж мешкать? Погодка при-
гожа..."
— „Да ставить-то мост будя кто жа?"
Собрание враз загудело.
— „Ежли б казна—иное дело!"
— „У казны денег в обрез.
Ставьте сами. Свой интерес".
— „Ето чтоб мы для ляпкинцев?"
— „Ето чтоб мы для тяпкинцев?"
— „Платить добром за ихнее зло?"
— „Им ехать в город!"
— „А им в село!"
— „Дык у нас в город одна подвода
Идёть один раз в два года.
А вот им в село-то..."
— „Провались они со своим селом в болото!
Чай, мы тож крестимся не кулаком
И моемся не сажею.
Нам в село езда порожняком,
А им, чертям, в город с поклажею!"
— „Нужней мост им!"
—„Нет, им!"
— „Не хотим ставить!"
— „Не хотим!"

— „Пущай подпирают мост своими горбами,
А не нашими столбами!“
Уперлись мужики лбами,
Так ни до чего не договорилися,
Только пуще разъярилися:
— „Чтоб тяпкинский Ермолай через новый мост
Катил на своей на пегой?
Да лучше мне живым на погост!“
— „Да провались етот мост
Под первой ляпкинской телегой!“
— „Тысяча им болячек во все места!“
— „Чтоб у них не осталось ни одного лошадиного хвоста!“
— „Чтоб на „Броду“ не было конца их мукам!“
— „Сами для них не будем ставить моста
И закажем внукам!“
Ан внуки-то возьми
Да стариков и подкузьми!!

7

Было лето, было лето,
И пришла зима.
— „Молодежь, кума, в селе-то
Вся сошла с ума“.

Комсомольцы, комсомолки...
А отцы в одно:
— „Вашу блажь, едят вас волки,
Выбьем все равно!“

Блажь, одначе, уходила
От икон в углу:
Комсомольцев расплодила
По всему селу,

Из села нашла лазейки...
Глядь, к весенним дням
Комсомольские ячейки
Уж по деревням!

Бабы тяпкинские воют,
Ляпкинские тож:
— „Дети нам могилу роют!“
— „Прямо в сердце нож!“

— „Фролка начал до рассвету
Где-то пропадать!“
— „Чорт вселился в Лизавету:
С ней не совладать!“

— „Пустомолы!“—„Пустомолки!“
Ругань там и тут.
Комсомольцы, комсомолки,
Знай, свое ведут.

В духоту слепых избушек
Внес живой сквозняк
Двух враждебных деревушек
Дружный молодняк.

То, что было—„В ухо! в рыло!“—
Ухнуло на дно.
Всех сроднило, всех покрыло
Звание одно.

8

Тук!
Тук!
Бух!
Бух!
— „Клим, дай-ко-сь, гвозди! Клим, ты глух?“
— „Чичас, Митюха! Забиваю
Последний гвоздик в эту сваю“.
— „Что, Лизавета?“
— „Любо! Ух!“
— „И то: работаешь за двух“.
Тук!
Тук!
Бух!
Бух!
— „Живей!“
— „Живей!“
—„Федот! Гаврила!
Пора прилаживать перила“.
— „Да где ж пила?“
— „Вот тут была“.
— „Пахом, неси пилу обратно“.
— „Пили, братишка, аккуратно“.
— „Держи!“
— „Держу!“
Ж-жу-ж-жу!
Ж-жу-ж-жу!
— „Топор, Аксинья!“
— „Давайте клинья!“
— „Давай!“
— „Вбивай!“
— „Эй, не зевай!“

— „Подай, Аринка,
Те два подклинка!“
— „Эп!“
— „Осторожней, ты! Ослеп?“
Эп!
Эп!
Эп!
Эп!
— „А выйдет мост, видать, удачный!“
— „Посередине—флаг кумачный!“
— „Как родная мать меня
Про-во-жа-ла,
Как тут вся моя родня
На-бе-жа-ла!“
— „Фрол, впрямь родня сбежалась. Вона!
Не зададут отцы трезвона?“
— „А ну их, старых, под лопух!“
Тук!
Тук!
Бух!
Бух!

9

— „Троеручица-царица!
На „Броду“-то что творится!“
Набежало к „Броду“ люда
И оттуда и отсюда.
Хмуро смотрят те и эти,
Как сбивают мост их дети.
— „Старым—спор, а им—игрушки!“
Злобно шамкают старушки:
— „С Лизкой вон за ручку Фролка...“
— „Комсо-мо-лец!“—„Комсо-мол-ка!“

Мужики—никто не брякнет,
Разве сплюнет кто да крякнет,
Обварив свирепым взглядом
„Чужаков“, стоящих рядом.
Топоры стучат задорно,
Мастера снуют проворно,
Звонко песни раздаются,
Резво жаворонки вьются,
В синем небе колокольцы,
Полевые комсомольцы.

10

Озлённый дерзостью такою,
Дед-Мокша, выскочив с клюкою,
На Фролку кинулся:—„Ты для кого ж, прохвост,
Для погубителей для наших строишь мост?“
Тут дед попятился, ушам своим не веря.
— „Слышь?—Фрол сказал ему:—ты нас не трожь
отец!
Всей старой дурости—аминь!—пришел конец.
Довольно! Будет с нас—глядеть, как зверь на
зверя!
Мы—люди опчие теперя!“

Опешил, уронил дед-Мокша посошок.
Под комсомольский смех—такой живой и друж-
ный!—
Он сел на камешек и сжался, как мешок
Изношенный, пустой и никому не нужный.

1926

ЧЕРКАССКИЕ МУЖИКИ

Крестьяне деревни Черкасской (Артемовского округа) на общем сходе постановили оказать помощь бастующим английским горнякам. Взносы делали кто зерном, кто хлебом, кто яйцами, кто крупой. Полученные от продажи собранного 15 руб. 98 коп. переданы в фонд помощи английским рабочим.

(Из газет)

Было время—вспомнить грустно.
Старина не всем мила.
Одичало-захолустно
Русь мужицкая жила.

Выла. Пьяно голосила.
Темнота. Не видно зги.
— „Тьфу, нечистая ты сила!
Замутила как мозги!“

Каждый знал свою берлогу.
— „Кто там?.. Мимо вороти!“
— „Лишь бы к нашему порогу
Не нашла беда пути!“

— „Помогите!.. Помираю!..“
А соседи ни гу-гу.

Наша хата, дескать, с краю.
— „Мы—на нашем берегу.

Мы сидим на бугорочке.
Пузыри не нам пускать".
— „Нам, хе-хе, в чужой сорочке
Не пристало блох искать".

— „Бьют кого-то".
—„Знать, за дело".
— „И не наша ведь спина".
— „Нас бы только не задело".
— „Наше дело—сторона!"

Свет, бывало, весь качался,
А деревне—дела нет.
За околицей кончался
Для деревни белый свет.

Все несчастья шли оттуда
На мужицкий тесный двор.
Заоколичного люда
Что ни встретишь: плут иль вор.

За околицею местность—
Не обскачешь в три ноги.
За околицей—безвестность,
За околицей—враги.

За околицею—барин.
За околицею—власть,
Властный город, змей-Тугарин,
На деревню пялит пасть.

Бредя шапкой-невидимкой,
Чтоб укрыть себя от зла,
Дикой, злою нелюдимкой
Деревенщина росла.

Распростясь со стариною,
К ней навек захлопнув дверь,
Мы картиною иною
Все любуемся теперь.

Уж деревня—не берлога:
Приобчистилась она,
За околицу дорога
Мужикам уж не страшна.

Оторвались мысли, взоры
От чертей, болот и пней.
Чужедальние просторы
Стали ближе и родней.

В город нового покрою
Стала шире колея.
Власть—ругнут ее порою!—
Все ж не барская: своя.

За околицей советской
Тож нашлись друзья вполне
И в французской, и в немецкой,
И в английской стороне.

И не чудо ль: трезвым скопом
Мужики от всей души
Шлют английским рудокопам
Помощь—скудные гроши:

— „В Лонден... где у них харчевня...
На обед им даровой“.
Вышла русская деревня
На простор на мировой!

Что ж? Деревня так богата?
Нет, нужда во всех углах.
Но—не с краю наша хата
Вот уже в каких делах!!

Деревенский грошик скромный
Горделиво не гремит.
В нем, однако, скрыт огромный
Пролетарский динамит.

Деревенские привычки
Блещут новой красотой.
Это—плод рабочей смычки
С деревенской беднотой.

Этот плод пока незрелый.
Он дозреет, дайте срок.
Если ж кто, как угорелый,
В смычке выискав порок,

Завопит, объятый ражем:
— „Путь к победе — не таков!“
Мы ему, гордясь, укажем
На черкасских мужиков!

14 сентября 1926

КЛЯТВА ЗАЙНЕТ

ПОЭМА

Восторженно посвящается
тов. Зайнет Хесмитовой

1

Вошла и сказала ему:—„Саламат!“
Мирза потянулся и хмыкнул в халат.
Жена у Мирзы—хоть картину пиши.
— „Якши!“

Жена у Мирзы—его третья жена—
Юна и, как тополь высокий, стройна.
Средь женщин бухарских прекраснее нет
Зайнет.

Узбекам, двум братьям ее удалым,
Большой за нее уплатил он калым
И третий замок он навесил на дверь
В ичкерь.

2

Под присмотром свирепой свекрови,
Злобно хмурившей брови,
Проходила Зайнет, прикрываясь чадрой,

Мимо—страшно сказать!—„Комсомола“,
Где, гудя, как пчелиный встревоженный рой,
Жизнью новой бурлила советская школа,
Где на все голоса и лады
Нараспев повторяли, твердили склады
Из украшенной ленинским обликом книжки
Черноглазые бой-ребятишки:
— „Ну-дыр-бай бай-ляр-дан ер-ал-ды
Ек-са-ляра бер-ды...“

Дома, сонный, обрюзглый, помятый,
Ждал Зайнет ее муж и владыка, Мирза.
И вздохнула Зайнет, опуская глаза:
— „Пр-ро-клятый!!“

3

— Велик алла!
— Велик алла!
На минарете пел мулла
Святой напев молитвы краткой.
Презрев домашний произвол,
Зайнет вбежала в „Комсомол“,
Скользнувши в дверь, как тень, украдкой.

— „Зайнет! Откуда ты, скажи,
Пришла домой без паранджи?
Ты осквернила дом изменой!
Где ты была, шакалья кровь?“
Шипела яростно свекровь,
Кривя злой рот, покрытый пеной.

И отвечала ей Зайнет:
— „Была я там, где светит свет,
Где учат ленинским законам,
Где объясняют, как найти
К свободе верные пути
Бухарским девушкам и женам!“

А через день тупой Мирза,
Покорных жен своих гроза,
Рычал от злости и от боли:
Он потерял Зайнет-жену.
Зайнет бежала в Фергану.
Зайнет спаслася от неволи!

4

Год тяжкого труда—по дням и по ночам—
Прошел, как светлый сон, для боевой беглянки.
С какою верою живой ее речам
Внимали бедные дехканки!

На фронте—шла она в разведку и в секрет.
И басмачи не раз бранились бранью злобной:
— „Поймаем—пуля в лоб! У красных
больше нет
Другой разведчицы подобной!“

Рвалася к подвигам—и тем была жива,
Всегда—на скакуне иль полковой двуколке,
И легендарная уже росла молва
О черноглазой комсомолке.

5

Хмурый Мирза в Фергане
В грязной сидит чайхане,
Полон замыслом темным.
Дал, не скупясь, он монет,
Кун за убийство Зайнет,
Двум убийцам наемным.

Был их ответ:—„Потерпи.
Мы уж разыщем в степи
След твоей комсомолки!“
Ночью, напавши на след,
Смяли узбеки Зайнет,
Словно дикие волки,

Рвали, оскалив клыки,
Жилы из левой руки:
— „Будешь вечно калека!“
В шею, дробя позвонок,
Острый вонзили клинок
Два преступных узбека.

6

Прошло пять месяцев. Ферганская больница.
Зайнет—в повязках вся, лицо—кровавый
струп.
Нет, не кошмарный сон ей снится,
Она—калека, полутруп.

Блуждает взор, и речь Зайнет звучит
невнятно,
Слух острый притуплен, трясется голова.
Врачи дивятся:—„непонятно,
Как ты осталася жива!“

Зайнет свезли в Москву. Москва сильна наукой.
Зайнет возвращены и речь, и взор, и слух.
И в комсомолке однорукой
Зажегся вновь бунтарский дух.

„Ком-университет трудящихся
Востока“
Зайнет мерещится во сне и наяву.
У гроба нового пророка
Она сказала:—„Я—живу!

И ты—живешь во мне заветами твоими.
На родине моей—в кишлак из
кишлака—
Дехканкам темным я их понесу, пока
Сумеет начертить твое родное имя
Моя последняя рука!“

7 марта 1925

Пояснение некоторых слов:

Саламат — приветствие.
Якши — хорошо.
Калым — выкуп за невесту.
Ичкерь — внутренний двор.
Дехканки — крестьянки.
Чайхана — в роде чайной.
Кишлак — деревня.
Паранджа — лицевое покрывало.
Кун — плата за месть.

„ТОВАРИЩ БОРОДА“

БЫТОВОЕ

Взрощенный деревенским полем,
Обкочевавший все большие города,
Куда его гнала не роскошь, а нужда,
Он прозывается не Жаном и не Полем,
А попросту—„товарищ борода“.
Ему уж сорок два, немалые года.
Он закалил свой ум и волю в тяжкой школе
Мучительной борьбы и черного труда.
„Товарищ борода“.
Десяток лет батрацкого скитанья
По экономиям помещиков былых,—
Другой десяток лет голодного мотанья
Ремонтной клячею средь гула, грохотанья
Бегущих поездов и треска шпал гнилых,—
Хватанье за букварь, а после—за листовки,
„Тюремный курс“ за забастовки,
„Февральский“ натиск на царя,
Потом „Октябрь“, потом—как не считал
мозолей,
Так не считал и ран—защита „Октября“
От барских выродков, от Жанов и от Полей
И прочей сволочи, грозившей нам неволей.
Победно кончилась кровавая страда.

Мы обратилися к хозяйственным основам.
Но где же он теперь, „товарищ борода“?
Усталый инвалид, негодный никуда?
Нет, он—силач, ведет борьбу на фронте
новом.
— „Усталость? Чепуха! Живем в такой момент!“
Он нынче „вузовец“, студент.
Штурмует знание. Такие ли препоны
Брать приходилося? А это что! Да-ешь!!
Он твердый коммунист. Такого не собьешь.
— „Пускай там, кто сплошал, разводит
вавилоны
О страшных трудностях при нашей нищете
И не рассеянной в два счета темноте.
Да мы-то—те или не те?
Какой там пессимизм? Какие там уклоны?
Понятно, трудности. Нашли скулить о чем!
Да новое—гляди!—повсюду бьет ключом.
За гуж взялись-то миллионы!
Народец жилистый. Взять нас, студентов. Во!
Не из дворян, не из дворянок.
Студенческий паек известен: на него
Не разгуляешься. Да нам не до гулянок!“
Разметил все свои часы—какой куда?—
„Товарищ борода“.
Он времени без толку не растратит,
Свой труд—и нынешний и будущий—ценя.
— „Как выучусь, других учить начну. Меня
Годков еще на двадцать хватит.
Ведь замечтаешься: работа какова!
Откроюсь—что уж за секреты!—
Когда-то, засучив по локти рукава,

Случалось убирать господские... клозеты.
А нынче—разница! Сравни-ко: тьма и свет!
Да ежели бы мне не то что двадцать лет,
А жить осталось месяц, сутки,
Не опустил бы рук я, нет!
Работе отдал бы последние минутки!..
Я...“—
Тут, как девушка, зардевшись от стыда,
Он вдруг забормотал, „товарищ борода“:
— „Учебник я уже... того... Мое творенье...
Послал в Москву на одобренье...
Волнуюсь очень... Жду ученого суда...“

Вниманью молодых товарищей-поэтов,
Что ищут мировых—сверхмировых!—сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.
Вот вам бесхитростная быль.
Коль ничего она не скажет вашей братье,
Пустое ваше все занятье!
Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой—такой простой и
скромный—
Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, „товарищ борода“.

1926

РАЗГАДКА

Октябрьским праздникам не все, не все им рады,
Не все любуются на красные парады,—
В то время как одни
Восторженно встречают эти дни,
Другие предаются плачу,
Пытаясь разрешить мудрёную задачу:
— „Какие силы нас спасут? Какой герой?
Доколь советскую терпеть мы будем участь?
Когда же рухнет он, проклятый новый строй?
Чем объяснить его проклятую живучесть?
В чем,—зло шипят они,—разгадка? В чем?
Ну, в чем?!“
Шипят, наморщивши прожухлые морщины.
А молодая жизнь играет, бьет ключом,
И „новый строй“—у новой годовщины!

Да, были времена!..
И поучительна седая старина.
„Душа“ народная сегодня ли раскрыта?
От пра-пра-прадедов идет народный сказ,—
В нем—поэтический показ
Простонародного мучительного быта.
Не княжьи грамоты, не летописный свод.
Что мог он записать, неграмотный народ?

С усмешкой горькою и прибауткой грустной
Он душу отводил в побаске, в сказке устной,
С искусством гения зашифровавши в ней
Мечты о красоте грядущих светлых дней.

Бывало, сколько раз бывало:
Великий государь, боярин или князь
Дремал, под пышное забравшись одеяло,
А дед-баюн, скосясь на дрыхнущее сало,
До полночи пред ним плел сказочную вязь.
Привыкнувши всю жизнь таиться и бояться,
Пред сильными ползя ползком, ложась ничком,
Мужик прикинуться умеет дурачком,
Когда над сильным он захочет посмеяться.
А в сказке был ему простор:
Он в сказке шельмовал царя и царский двор,
Бояре были все прямые остолопы,
С холопами—цари, а пред царем—холопы.
И всех—царя, бояр—дурачил—кто?—сморчок,
Не фряжский принц, не князь Тверской или
Смоленский,
А так—парнишка деревенский,
Запечный богатырь, Ивашка-дурачок!

Нет, сказка не была пустою балагурью.
И „дурь“ мужицкая была особой дурью.
Ни змей-горынычей, ни окиянских бурь
Не трепетала эта дурь,
На трудный подвиг шла, на страшные мытарства,
Ныряла в глубину, взлетала в высоту,
Чтоб оттягать себе царевну-красоту
И за царевною—пол-царства.

Жар-птицей бредила, ослепши в темноте.
Дворцы ей снилися—в бескрайной нищете,
Сгибаясь под господским гнетом,
Искала для борьбы дубинку-самобой
И, бездорожная, в лазури голубой
Летела птицей в край любой,
Обзаведясь ковром—волшебным самолетом,
Голодною, сомлев от барского тягла,
На отдых в хижину свою она брела,
Голодною в тягло впрягалась спозаранку,
Но в сказочных своих мечтах изобрела
Усладу, скатерть-самобранку;
В обычай стало ей пить мертвую, когда
Дни мертвые ее из рук вон были худы,
Но песенку про то, что кончится беда,
Что где-то—поискать—живая есть вода,
Ей пели гусли-самогуды,
Порою клином ей сходилася земля,
Но оттого не став угрюмой нелюдимкой,
А сердце сказкою-утехой веселя,
Спасалася она под шапкой-невидимкой,
Срывалась с места, „шла вразброд"
И грела кистенем „лихой боярский род"
Под боевую перекличку:
„Сарынь на кичку!"

Не слышно клекота двуглавого орла,
Истлели когти, клюв, два сломанных крыла.
Русь черносошная доверилась Советам:
Они несут ей всё, чего она ждала
Согласно сказочным заветам.
Жар-птица?! Вот она, гляди:

С гербом советским на груди
Горит несчетными огнями!
Жар-птицей овладеть—все ночи станут днями,
Русь темная была и—поросла быльём:
Все наши города, посады, деревушки,
До самой худенькой избушки и клетушки,
Не брезгуя ничем, ни хлевом, ни жильём,
Мы электричеством зальем!
Сверкай, советская деревня и столица!
Свет электрический—чем не твоя жар-птица?
Теперь любуйся: вот она перед тобой
Волшебная дубинка-самобой!
Враг знает, больно как дубинка эта бьется,
Что Красной армией зовется!
Вот артиллерия, вот конные полки,
Вот комсомольский цвет—герои-моряки,
Вот неоглядные ряды стальной пехоты,—
Над ними, в облаках, смотри, вблизи, вдали,
Стальные реют журавли.
То наши чудо-самолеты!
А вон по целине—на поприще ином—
Идет волшебник-агроном,
Целитель пахоты больной, ученый знахарь:
Он знает, за какой землей уход какой,
И знает он, что клад мужицкий под рукой,
А рядом богатырь, железный самопахарь,
Прабабушке-сохе гудит за упокой.
Стихает здесь и там мужичья перебранка.
Трехполье тощее оставив позади,
Дивятся мужики, что их земля, гляди,
Взаправду скатерть-самобранка!
А вон в избушке Пров, Авдотья, Клим, Панкрат

Умильно слушают волшебный аппарат.
Деревне по-сердцу советские причуды!
Москва по радио ей голос подает,
Про все, что деется на свете, знать дает.
То наши гусли-самогуды!
Ивашка-дурачок, парнишка боевой,
Пол-царства добывал, рискуя головой.
Ан вечно—на престол лишь заносил он ногу—
Какой-то заяц роковой
Перебегал ему дорогу!
Но был он выручен другим богатырем:
Рабочий, бившийся без устали
с царем,
В час горький подоспел Ивашке на
подмогу:
— „Эй, паря-простота! Чудак же ты, ей-богу!
Пол-царства ты хотел? Всё царство
заберем!“
— „Всё царство?—отвечал Ивашка;—тож
не худо!“
Вот было чудо!
Это чудо
Зовется „Красным Октябрем“!
Так пролетарская решила все замашка:
— „Дворцами бредил ты, Ивашка?
На, получай дворец, где нежились цари!“
И вот в Ливадии всем мужикам—смотри!—
Рабочий преподнес, а не святой Егорий,
Дворец—крестьянский санаторий!
Мужицкой „дури“—в том господская беда—
Не разгадали господа.
А сколько делали лихих попыток,

Чтоб от нее иметь свой даровой прибыток!
За непокорное земное житие
Грозили ей в церквах загробной божьей местью
И на-смерть отравить пытался ее
Патриотическою лестью.
Порфироносные российские цари
Не раз пытались ей, жующей сухари,
Внушить великие славянские начала:
— „Христолюбивая! Вперед!
За Русь святую!“—Но молчала
Христолюбивая, воды набравши в рот.
А те, чьи черепа пустые малоёмки,
Твердили, что „душа народная—потемки“
И русский-де народ—„загадочный народ“!
Загадка для господ была неразрешима.
Разгадка не совсем по вкусу им была.
И старина для них казалась нерушима.
Ан вот—вся старина разрушена до тла,
Свершились наяву чудесные явленья,
И над седым Кремлем—залог осуще-
ствленья
Уже не сказочных, а ставших явью,
благ—
Горит-полощется советский красный
флаг!

7 ноября 1926

САПОЖНИК-БЕЗБОЖНИК

Обувники внедряют новый быт.

15 октября на Витебской обувной фабрике состоялось многолюдное собрание рабочих. На повестке дня несколько необычный вопрос: революционные советские крестины дочери рабочего фабрики тов. Козинера.

Единогласно принято предложение ячейки РКП о наименовании новорожденной дочери рабочего тов. Козинера именем германской коммунистки, погибшей в 1919 г., Розы Люксембург.

(„Известия Витебского губкома", № 237, 18/X—1923 г.)

Еврей-рабочий Козинер
Ужасный показал пример:
— „Пускай,—он так сказал:—подохнут все
раввины!"
И вот на фабрике сапожной шум и гам:
На час отставка сапогам!
Событье важное! Советские крестины!
Сказать иначе, „Октябрины".

Раввин убит!
Раввин скорбит
И проклинает Козинера!

— „Погиб народ! пропала вера!
Ай, Козинер! нечистый скот,
Холера
Тебе в живот!
Подумаешь, дурак-сапожник,
Он вдруг—безбожник!“

То слыша, поп Лука раввину пробасил:
— „Раввинушка, мой друг, не трать
напрасно сил!
Дай лучше унесем отсель скорее ноги,
Довольные уж тем,—хихикнул поп Лука,—
Что не остались пока
Без церкви я, а ты—без синагоги!“

1923

ТРИ СИГНАЛА

С!—Е!—М!

Союз советских социалистических республик.

Европейский социалистический союз советских республик.

Мировой союз пролетарских республик.

— „С новым годом! С новым годом!..“
„Исторический экспресс“,
Поезд наш советским ходом
Докатил до буквы С.

Докатил и дальше катит.
Путь извилист. Крут подъем.
— „Друг, паров-то хватит?“—„Хватит!
Больше скорость разовьем!“

— „Тише, друг! С такой ездою
Не свалиться б!“—„Не скули!
Вон приманчивой звездою
Буква Е горит вдали!“

Снова робких душ уловка:
— „Буква Е... А что затем?..
Где же будет остановка?“
— „Остановка—буква М!“

1 января 1923

II. КАИНОВО НАСЛЕДСТВО

В наследие от прежнего режима нам досталось много тяжелого, отталкивающего: национальная вражда, религиозность, темнота, бюрократизм, пьянство. Эти общественные болезни еще не изжиты. Особенно опасны они тогда, когда гнездятся в общественной организации, в кооперации и т. п.

Иногда они поражают представителя власти или члена партии. В Советской стране все подобные язвы должны быть вскрыты, а виновники выведены на всеобщий позор.

КАИНОВО НАСЛЕДСТВО

Несть бо разнствия иудеева и эллину.

Сотни лет цари царили,
А народ чесал бока.
Нас в одном котле варили—
И „жида“ и „мужика“.

Ицек, Шмуль, Демьян и Яков,
„Жид“, российский ли народ,—
Был удел наш одинаков:
Жили „щедростью“ господ.

Бывши темными рабами,
Мы, копя на сердце злость,
Крепко сталкивались лбами
За обглоданную кость.

Видя всюду недохватки,
„Православный“ горевал
И последние достатки
Продавал и пропивал

И, проставив рубль на водку,
Поднимал потом дебош:
— „Слышь? На тухлую селедку
Жид накинул целый грош!“

— „Пьете кровь, христопродавцы!“
— „Вер-р-на!.. Пра-виль-на впалне!“
Толстобрюхие мерзавцы
Хохотали в стороне.

Им-то было это любо
(Не задела б их гроза)
Мужиков морочить грубо,
Отводя „жидом“ глаза.

Жид, мол, бедам всем причина,
Жид—мошенник и подлец.
Православный же купчина
Бедняку—родной отец.

Без креста он не ограбит,
Без молитвы не соврет,
Поклянется, рот осклабит
И... с покойника сдерет.

Жид—злодей. Но жид с мильоном—
„Уважаемый еврей“,
И к нему послы с поклоном
Приезжали от царей.

Ротшильд—гостем в Петрограде,
Ротшильд—денежный король,
Русский царь при всем параде
С ним делил и хлеб и соль.

С миной сладкой царь погромный
Руку Ротшильду сжимал
И за кушем куш огромный
На транжирство занимал,

На шелка, на позументы,
На вино, на царский шик.
Ротшильд требовал проценты,
А платил за все... мужик.

И, грызя сухую корку,
Выл, что больше невтерпеж.
— „Разоренье! На махорку
Жид накинул снова грош!“

И невольно сами ноги
Мужика несли в кабак.
И не знал он, что налоги
Царь надбавил на табак,

Что у Лейбы—те ж опорки,
И в лохмотьях Аарон,
Но что царь себе с махорки
Положил в карман мильон.

Царь—мильон, а пять мильонов—
И дворяне, и купцы,
И блюстители законов,
И духовные отцы,

И чиновник из палаты,
И ретивый становой.
Выл мужик, чиня заплаты,
Бился о-земь головой,

Вопиял о гроше медном
И о каторжном труде,
И все зло срывал на бедном
Изворотливом жиде.

Изворотлив жид, бесспорно,
Разве жид—не человек?
Вел борьбу с нуждой упорно
Жид несчастный весь свой век.

Жить, нося в груди тревогу,
Трепетать, бродить, как тень,—
Прожил день, и слава богу,
Проживешь ли новый день?

Ел—не ел, но, по копейкам
Рубль собравши, отложить,
Чтоб в участках злым ищейкам
Взятку дать за „право жить", —

Всем, кто, чванясь пред народом,
Помыкал его судьбой,
Быть для них громоотводом,
Заслоняя их собой, —

Вот каков удел был ране
Всех еврейских бедняков.
Вот в каком лихом дурмане
Власть держала мужиков.

Царь-дурак, министр-советчик
Обирали бедный люд.
А за них был жид ответчик:
Жид к наживе, дескать, лют.

Разживалось двое-трое,
Ротшильд, Бродский—главари,
Беднота ж при царском строе
Уплетала сухари.

Кто видал жида-пьянчугу?
Надрывается, как вол,
А зайди к нему в лачугу:
Стены голые да пол.

Жид—не жид, не все равно ли?
К бедняку ль питать вражду?
Кто из нас смотрел без боли
На еврейскую нужду?

Сколько раз в былые годы
Убеждался я, бедняк,
В том, что все мои невзгоды
Пред еврейскими—пустяк.

Сам из нищенской семейки,
Пред „жидом“ я был богач:
Друг мой, Шмуль, за три копейки
Не всегда едал калач.

— „Тож работник, жид противный!“
Выходило как-то так:
Где мой день ценился гривной,
Шмуль работал за пятак.

Наша жизнь была убога,
И случалось иногда:
Жид богатый от порога
Гнал меня и гнал жида.

Я да Шмуль скитались оба
Без приюта по ночам,
И росла в обоих злоба
Не к жидам, а к богачам.

Православный воротила,
Разжиревший ли еврей,—
Оба эти крокодила
Гнали бедных от дверей:

Те же дрожжи, то же тесто,
То ж презренье к беднякам...
На одном суку им место,
Этим жадным паукам!

С богачом богатый ладил
И, дурача бедноту,
— „Братцы!—выл,—все жид нагадил.
Бей жидов! Ату! Ату!"

Темный люд зверел в погромах,
Выпускал „жидовский пух".
Мироеды же в хоромах
Одобряли „русский дух".

— „Так их! Так! Кончай с жидами!
Все несчастья от жида!"
Злой отравой нас годами
Отравляли господа.

Хоть испытанные средства
Не спасли их от беды,
От былого жидоедства
Все ж остались следы.

И, читая в наше время
Те ж погромные листки,
Говорю я: злое семя
Все дает еще ростки,—

Золотое наше поле
Все еще засорено,—
Много дней пройдет, доколе
Не расчистится оно.

Но не с тем мы пни крушили,
Чтоб шадить чертополох,—
Как народ наш ни глушили,
Не навеки ж он оглох!

Бар не с тем мы истребляли,
Чтоб вернуться в прежний склеп,—
Как народ ни ослепляли,
Не навеки ж он ослеп!

Он услышит, он прозреет,
И сожмет он вражий зев,
И тогда в полях созреет
Нами сделанный посев:

Не бурьян сухой, колючий,
Не отрава-белена,—
Урожай дадут могучий
Новой жизни семена:

Общий труд над общей пашней,
Общий мир и общий лад.
И угрозою вчерашней
Будет нам погромный яд.

Шип врагов змеино-злобный
И потоки клеветы
На погром междоусобный
Не поднимут бедноты.

Все—славяне и татары,
Венгры, немцы и „жиды“,
Боевые коммунары,
Мы сомкнем свои ряды —

И семьей одной, великой,
Общей спаяны судьбой,
С мироедской черной кликой
Поведем последний бой!

8 июня 1919

САМОГОН-КОММУНИСТЫ

(Для мужского хора)

Под праздник, в то время как комсомольцы, высмеивая церковные обряды, плясали, некоторые члены компартии пошли в церковь, а оттуда по заранее условленным квартирам, где началось уничтожение самогона. Участвовали: зав. продбазой тов. Кабанин, его помощник тов. Тугов, член квартирной комиссии тов. Куранов и др. Другой пьяной компанией руководили тов. Дудоров при участии зав. конным двором тов. Лобанова и др.

(Письмо с фабрики имени Я. М. Свердлова, М. Камешки, Ковровского у., Владимирской губ.)

Запевала

Ну ж праздник был! Раздолье!
Плясало комсомолье,
А мы—на богомолье!
Умили-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Умилительно! Умилительно! Умили-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Потом „изыде с миром“,
Пошли партийным клиром...
По избранным квартирам.
Удиви-и-ительно-о-о-о!

Хор

Удивительно! Удивительно! Удиви-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Пошли по тем квартирам,
Где пахло... „элексиром“,
Селедкой и гарниром
Соблазни-и-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Соблазнительно! Соблазнительно! Соблазни-и-и-тельно-о-о!

Запевала

Ребята из проворных
Нашли три места сборных,
Где пили без дозорных
Упои-и-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Упоительно! Упоительно! Упои-и-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

К чему дозор, ей-богу?
Кто станет бить тревогу?
Хлестали все помногу
Зарази-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Заразительно! Заразительно! Зарази-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Пропитан весь заразой,
Товарищ завпродбазой
Хлестал не рюмкой, вазой!
Порази-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Поразительно! Поразительно! Порази-и-и-тельно-о-о!

Запевала

Его помощник тоже,
Хоть чином „п о м“ моложе,
Но пил... видать по роже,
Пом...рачи-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Пом...рачительно! Пом...рачительно! Пом...рачи-и-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Лихой квартком Куранов,
Блея, как пять баранов,
Пил из пяти стаканов
Приблизи-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Приблизительно! Приблизительно! Приблизи-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Начальник базы конной,
Нажравшись самогонной,

Блевал струей зловонной
Омерзи-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Омерзительно! Омерзительно! Омерзи-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Хозяйственник Дудоров
Все хрюкал, словно боров:
— А нет ли тут... рабкоров?
Не пользи-и-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Не пользительно! Не пользительно! Не пользи-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Рабкор, меж тем, пирушку
Секретно брал на мушку.
— Попалися в ловушку?
Унизи-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Унизительно! Унизительно! Унизи-и-и-тельно-о-о-о!

Запевала

Рабкор погнал в газету
Письмо про пьянку эту.
— Пож-жалуйте к ответу!!
Сокруши-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Сокрушительно! Сокрушительно! Сокруши-и-и-тельно-о-о!

Запевала

Для пьяниц поученье:
Попались? Обличенье?
Ну, значит, „исключенье“
Всем реши-и-и-тельно-о-о-о!

Хор

Всем решительно! Всем решительно! Всем реш-и-и-и-тельно-о-о-о.

Большевистский протодиакон
отец Демьян.

12 июля 1923

ДО БЕСЧУВСТВИЯ

(Тоже веселенькое)

Из некоей кооперативной секции
Завотделом инспекции.
Товарищу Демьяну Бедному, на предмет
(На какой предмет, известно)...
Справка кооператива В д р ы з г р а з м е т,
Проторговавшегося честно.

Апрель месяц. П о с е щ е н и я.

1) Участковый надзиратель—трижды. Упущения.

2) Участковый коммисар—четырекратно.
Обошлось аккуратно.

3) Фин-инспектор—раз пять.
Обещал зайти опять.

4) Инспектор социального обеспечения. Дважды
Уголочек вынюхал каждый.

5) Инструктор профсоюза.
Тоже не обошлось без конфуза.

6) Представители санитарного надзора.
Ну, как это можно: без сора?

7) Инспектор труда.
Чуть не дошло до суда.

8) Районный пожарный.
Вошел, сразу дух стал угарный.

9) Представитель комитета по оказанию...

10) Еще по оказанию...

11) Еще... Нет конца этому наказанию!

12) Представитель рекламных изданий Последгола.

13) То же из Комсомола.
14) То же: издание—„Вся Москва".
Прямо кружится голова!

15) Инспекция, присланная таможней.
Что день, то невозможней.

16) Муни!!
Ноги протяни!!!
Когда тут торговать?
Не успеешь за начальством дверей закрывать.
Сорок одно начальство—сорок одно упущение.
Капут!!!

Здаеца помищѣние.

С подлинным верно.

Демьян Бедный.

1923

ПОМРАЧЕНИЕ

Никашка этаким героем
Стоял с невестой пред налоем.
Сейчас услышит он священный приговор,
Поп освятит его заветное желанье:
— „Венчается раб божий Никанор
На божией рабе Маланье“.
То ль помутилася у бати голова,
То ль мысли черные так батей завладели
(„Земля урезана! Сокращены права!
И люди к церкви охладели!“),
Но, прикоснувшися рассеянно рукой
К колечкам новым, обручальным,
Наш батя голосом печальным
Взвыл:—„Со свя-ты-ми у-по-кой!“
Сомлел жених. Невеста помертвела.
И вбок шарахнулась толпа.

Невесту с женихом деревня вся жалела.
Никто не пожалел попа!

КРЕЩЕНИЕ

Дьячок Кирилл да поп Ипат
У старенькой купели
Под писк ребят
Козлами пели.
Кто думал про детей, а батя—про отцов:
— „Ужотко проучу я этих подлецов:
Довольно мне они, злодеи, насолили!
Церковный сенокос и поле поделили,
На требы таксу завели...
Приходится сидеть, как раку на мели:
Нет ни почету, ни доходу!“
С перекосившимся от злой усмешки ртом
Поп ребятишек в воду
Стал погружать гуртом:
— „Во имя... Отца... и Сына... и Святого Духа...
Крещаются младенцы: Голиндуха...
Ёвпл... Хуздазад... Турвон...
Лупп... Кирса... Сакердон...
Ексакостудиан.... Проскудия... Коздоя...“
Чрез полчаса
В деревне шум стоял от ругани и воя.
Ермил накинулся на кума, на Сысоя:
— „Кого же ты носил крестить: дитё, аль пса!
Как допустил его назвать ты... Сакердоном?“

В другом конце сцепился Клим с Антоном:
—„Как, ты сказал, зовут мальца?“
На куме не было лица.
— „Эк... сам...—уставился бедняк убитым взглядом
На разъяренного отца:—
Как, бишь, его... Кума с попом стояла рядом...
Эк... сам...“
— „Что сам? Крестил, аль что? Ты, леший, пьян!“
— „Я? Пьян? Ни боже мой!—Кум жалко усмехнулся:—
А крестничка зовут: Эк... сам... кустом... Демьян!“
— „Сам под кустом Демьян?! Ай, братцы! Он рехнулся!“
Пров кума своего на все лады честил:
— „Ты ж где, подлец,—в лесу дитё мне окрестил,
Аль у соседского овина?
Как, повтори, зовут мальца?“
— „Ху... Хуздазад!“
— „Что? Сам ты Хуздазад! Вон со двора, скотина!
Неси дитё назад!“
— „Ай!—Кузькина жена в постели горько билась:—
Какого Ёвпла мне, кума, ты принесла?
Ёвпл!.. Лихоманка б вас до смерти затрясла!“—
У Сурина Наума
За Голиндуху так благодарили кума,
Что, не сбежись народ на шум,
Крестины век бы помнил кум.

„При чем тут кумовья? Опричь попа Ипата,—
Мне скажут,—ни одна душа не виновата“.
Пожалуй, что и так. Хоть есть слушок, что поп,
Из кумовей попав кому-то под ослоп,
Ссылаться пробовал на святцы,
Но... Я при этом не был, братцы!

ХЕРУВИМСКАЯ

Поп Ипат после вечерни накануне
Ходил в гости к самогонщице Груне
И, будучи еще под вчерашними парами,
Колдовал в алтаре над „святыми дарами“,
То-бишь, над разбавленным вином и просфорою.
Певчие тянули той порою:
— „Вся-ко-е... ны-не... жи-тей-ско-е...
Отложим... отложим... поп-пе-че-ни-е...“
— „Ох, и сердце ж у Груни злодейское...
Чистое мне с Груней мучение!“—
Ковыряя копьем „христово тело“,
Думал батя про свое „житейское дело“.
— „Псс!—позвал батя из ризницы Тишку-мальца,
Своего прислужника и сердечного гонца:
— Лети, голубь, к Груне стрелою,
Притащи полбутылки под полою.
Не станет давать, скажи ей, заразе,
Что не дослужить мне обедни ни в коем разе,—
Что я могу с ног свалиться,
Ежели мне сейчас не опохмелиться!“
„Великий выход“ с дарами творя
И бредя Груниной самогонкою,
— „Ва-ас и всех православных...“—прогнусавил поп
у алтаря,
И певчие подхватили компанией звонкою:
— „Яко да царя...“

МИРОПОМАЗАНИЕ

У Клима сын, а у Никиты дочь
На свет явилися в одну и ту же ночь.
У тятек двух одна забота:
За десять верст к попу везти дитё крестить.
А ехать больно неохота:
Пора горячая, жаль время упустить.
Ан глядь на улицу—и до чего, ведь, кстати!—
Поп в таратаечке.—„Но-но, пегашка! Но!“
Два мужика бегом к попу—просить у бати,
Чтоб он за масло и пшено
Проездом двух ребят крестил бы заодно.
— „Ох, чадушки мои!—Поп осадил лошадку.—
Епитрахили нет, чтоб нацепить на грудь.
Ну, да и без нее окрестим как-нибудь.
Ребят мы погрузим, взамен купели, в кадку“.
Тут мне читатель скажет:—„Стоп!
Чтоб окрестить ребят, не все еще готово:
Миропомазанье свершить не мог же поп
Без мира без святого?!“
Читатель, погоди! Ведь детвора-то чья?
Простого мужичья?
Так станет нежничать ваш поп со всякой мразью!
Он—провалиться мне на месте, ежли вру!—
Миропомазал детвору
Колесной мазью!

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

У Клима вся семья в опорках щеголяла,
Да и одежка подгуляла.
Все обносилися вконец.
Хозяйка плакалась:—„Какой ты есть отец?
В лохмотьях дети, тело видно,—
Пускать на улицу их стыдно.
Не говорю, что мне самой
В отрепье этаком подстать ходить с сумой:
Мне не невеститься. А все-таки... обидно!“
Клим хмурился, кряхтел:—„Все вижу сам. Не ной.
Как-будто дело лишь за мной.
Почесть, сосед Артем нас будет побогаче,
А у него, одначе,
В обносках тоже все—и дети, и жена.
Какая нонеча на все пошла цена:
Не докупиться, ей же богу!
Так я при чем тут, голова?“
Задели Клима всё ж хозяйкины слова:
Через денек иль два
Стал собираться Клим в дорогу.
Кулек овса, картофель на возу,
Три старых курицы да со сметаной крынка.
— „Уж то-то, женушка, обновок навезу!
Дорвусь до города, так закуплю полрынка!“
Что ж? Не успел наш Клим отъехать от двора,

Как злой-презлой, чернее ночи,
И чертыхаясь, что есть мочи,
Вкатил назад во двор. Притихла детвора,
И приросла жена к порогу.
— „Что, Климушка, стряслось?“
— „А то!.. Ах, супостат!
Ах, чтоб ты околел!“
— „Да кто ж?“
— „Да поп Ипат!
Взял, долгогривый чорт, и перешел дорогу!“

Хотя приметы—ерунда,
Но не всегда,
И особливо эта.
Что поп, переходя дорогу, нам вредит,
Вам это всякий подтвердит.
Вот до чего верна народная примета!
И слыша, как теперь попы пустились врать,
Стремясь средь нас разброд посеять и тревогу,
Я думаю: пора, пора к рукам прибрать
Всю эту черную, озлобленную рать,
Что подло норовит нам перейти дорогу!

„ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ“

У батюшки Ипата
Водилися деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолил себе монет!
Однако же, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
— „Откроют, ироды, ларек мой без ключей!“
Решив добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночку потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
„Сей ларь—съ Христовымъ тѣломъ“.
Но хитрый понамарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: „Нѣсть божьихъ здѣсь
тѣлесъ: Христосъ воскресъ!“

Что понамарь был плут, я соглашусь, не споря,
Плут обманул плута—так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

КАТАВАСИЯ

— „Ой, набат!“—И млад и стар
К церкви ринулся.
— „Где горит?“—„Куда пожар
Перекинулся?“

Вот у церкви толпа.
— „Ка-та-ва-сия!“
Дьякон Кир тузит попа
Афанасия.

— „За подвохи получи,
За ехидные!“
— „Сам ты стибрил калачи
Панихидные!“

Перешел, взъярившись, поп
К нападению,
Изловчился: Кира—хлоп
По видению.

Кир попа пнуть сапогом
Покушается.
— „Го-го-го!“—Народ кругом
Потешается.

— „Наше дело—сторона,
Мы—свидетели.
А цена-то вам одна,
Благодетели!“

Друг-товарищ! Дай ответ
Во спасение:
Будет служба или нет
В воскресение?

СЛОВО НА ПИТИЕ

Святой водицею трактирчик окропив
И „слово“ произнесть на случай сей желая,
— „Не Чудотворца ль Николая
Воздвигнут образ тут?!—воскликнул поп Авив:—
Зело грешно... и неуместно:
Зане святитель сей, как подлинно известно
По житию,
Не прилежал душою к питию.
Коль образ нужен здесь, то—ясно—лишь такого
Угодника святого
Иль преподобного отца,
Который в жизни сам охоч был до винца“.

Мы проповедника не очень уж порочим.
Был пьян он, между прочим.

ВО ИМЯ

Из беседы сотрудника с арестованным преступником Комаровым-Петровым, совершившим в Москве за 2 года 33 убийства:

Сотрудник.—А вы в бога верите?

Комаров.—А как же, православный я... И в церковь постоянно ходил... И молился... Не часто ходил, потому что некогда часто, а только и дома молился и в церкви к господу прибегал.

Во имя отца...
(С какого б зайти конца?)
И сына...
(Убью и зарою у тына.)
И святого духа!
(Тр-рах в висок повыше уха!)
Аминь!
(Жена, корыто для крови пододвинь!)
Господи Иисусе Христе, сыне божий...
(Теперь обмотаем его рогожей.)
Молитв ради...
(Я понесу, а ты помогай сзади!)
Пречистыя твоея матери и всех святых...
(Падай в яму! Бултых!)

Слава тебе, боже! Слава тебе, боже!
(Кокнули тридцать второго, похоже.)
Завтра господь-бог пошлет тридцать третьего.
(Я уже успел присмотреть его.)
Звездану его гирей по темени!..
(Ну ж, возня. И помолиться нет времени!)

1924

ТЕМНОТА

В воскресенье к Иверской иконе потянулись богомолки и богомольцы, встревоженные слухом, что большевики хотят икону куда-то убрать.

Слух оказался чьим-то злым и нелепым вымыслом.

(Из газет 1919 г.)

У божественной иконы
Две старушки бьют поклоны,
Бьют да бьют,—
Две старушки,
Побирушки,
Слезы льют.
Сухонькие, бледные...
Сирые, бездомные...
Бедные,
Бедные!
Темные,
Темные!
Вздохи... Стоны...
У иконы
Две старушки бьют поклоны,
Распластались у подножья:
— „Мати божья!.. Мати божья!..“
— „Примем смерть... Пойдем на муки!“

— „Упокоимся в раю...“
— „Не дадим злодеям в руки
Мать-заступницу свою!“

Богомольцы, богомолки
Возле Иверских ворот.
Будоражат злые толки
Одурманенный народ.
Спор вести с детьми за соску
Взрослым людям не с руки.
— Измолитесь вы хоть в доску,
Чудаки!

1919

ЗА СОВЕТСКИМ ПРИЛАВКОМ

Входит покупатель в торговый склад.

Покупатель. Нет ли у вас американских булавок?
Приказчик. Идите, гражданин, назад.
Мы не выдаем никаких справок.
Покупатель. Нечего сказать, встречаете любезно.
Приказчик. Так приказал Совнархоз. И спорить бесполезно.
Покупатель. Вот так штука!.. Пойти мне куда б?..
Приказчик. Идите в Губснаб,
Из Губснаба в Губотсрочку,
Из Губотсрочки в Губпроволочку,
Из Губпроволочки в Губсаботаж
(Третий дом слева, пятый этаж),
Из Губсаботажа в Губпромедление
(Седьмая комната, сто седьмое отделение),
Из Губпромедления в Губстатистику
(Где цифры наводят на людей мистику),
Из Губстатистики в Губитоги
(Ежели донесут ноги),
Из Губитогов в Губ ноль-ноль,
Потом для проверки в Губконтроль,
Из Губконтроля в Губсправку,

Откуда запросят нашу лавку:
Можем ли мы отпустить хоть одну булавку?

Покупатель. Каков же будет ваш ответ?

Приказчик. Что булавок не было и нет!
То-есть имеются, но в другом складе.

Покупатель. В каком же, бога ради!
Я мигом туда б!

Приказчик. Идите в Госснаб,
Из Госснаба в Губотсрочку...

. . . . . .

. . . . . .

Уф! Надо же этому поставить точку!

1922

III. ТАК БЫЛО, НО ТАК НЕ БУДЕТ ВНОВЬ

Старое идет на слом у нас: в капиталистических странах старина еще пока искусственно поддерживается. Мы не дадим ей возвратиться у нас. Роль попов и богачей сыграна навсегда. Ветхая стройка (см. стихотворение „Дом“) дореволюционного периода разрушена навеки: к старому возврата нет.

ТАК БЫЛО, НО ТАК НЕ БУДЕТ ВНОВЬ

Слепых, скорбящих душ слепое упованье,
Ты—в муках—создало скорбящий лик Христа,
Его предателя нечистые уста,
Его мучителей глухое завыванье,
И, пригвоздив к кресту распятую любовь,
Ты кровью жертвенной всех палачей омыло.
Так было.
Веками было так. Но так не будет вновь,
Религия рабов—не для бойцов свободных.
Мы—отомстители за пролитую кровь,
За миллионы жертв, за море слез народных.
Кумачным знаменем—каратели царей—
Мы заменили крест народного распятья
И, стоя у иных, распахнутых дверей,
Мы пламенно зовем: прозрите же скорей,
Единокровные, слепые наши братья!

1 мая 1921
Первый день Пасхи

ПАУКИ И МУХИ

ПЕСЕНКА ПОЧТИ ДЕТСКАЯ

Дили-бом!.. Дили-бом!..
Стоит церковь—божий дом,
А в том доме—паучок,
Паучок-крестовичок,
Паучок семи пудов,
„Всё от праведных трудов".
Нахлобучивши клобук,
Ухмыляется паук
И трезвонит целый день:
Делень-день!.. Делень-день!..

Паук весело живет,
Паутиночку плетет—
В паутину ловит мух:
Молодаек и старух,
Молодцов и стариков—
Богомольных мужиков.
Мухи жалобно жужжат,
Пауку несут деньжат,
Все, что нажили горбом.
Дили-бом!.. Дили-бом!..

Ай вы, братцы-мужики,
Горемыки-бедняки,
А давно уж паука
Взять пора вам за бока.
Ваши души он „спасал“—
Вашу кровушку сосал,
Да кормил жену и чад—
Паучиху, паучат—
И пыхтел, оскалив рот:
—„Ай, дурак же наш народ!“

ПОПЫ — ТРУТНИ, ЖИВУТ — НА ПЛУТНИ

Мужик-бедняк, худой-худой,
Трясет седою бородой:
— „Вот, батюшка, хохлаточка...
Хохлаточка... хохлаточка...“
На мужике, на что ни глянь,
Шапчонка-рвань, лаптишки-дрянь,
И на плече заплаточка...
Заплаточка... заплаточка.

Стара бабенка и слаба,
Согнулась божия раба:
— „Вот, батюшка, пеструшечка...
Пеструшечка... пеструшечка...
Яичек тож десятка два...“
И на ногах стоит едва
Убогая старушечка...
Старушечка... старушечка...

Попу расперло рожу—во:
— „Хохлатка, правда... ничево...
Яичек я попробую....
Попробую... попробую...

Авось, еще кто принесет...“
Смеется батя и трясет
Оплывшею утробою...
Утробою... утробою...

Досель в духовной кабале
Кротами темными в земле
Крестьяне наши роются...
И роются... И роются...
Когда ж разбудит их гроза?
Когда ж, когда ж у них глаза
На трутней всех откроются...
Откроются... откроются?!.

УРОЖАЙ

Как у попа Ипата
Не борода—лопата.
Расправивши ее оплывшею рукой,
Печальных мужиков намедни
В конце обедни
Поп речью потчевал такой:
— „Ох, вижу: в помыслах мирских погрязли все вы.
Не богомольцы вы весной.
Всё только думки про посевы:
А не побил бы град, а не спалил бы зной.
Почто мятетеся и плачетеся вскую?
Бог видит нашу скорбь и всю нужду людскую,
Казня и милуя нас, грешных, поделом.
Не судьи мы господней воле.
Идите же со мною в поле,—
На всходах отпоем молебен всем селом.
И ущедрит вас бог зерном по вашей вере,
И будет хорошо приходу и попу.
С вас много ль надо мне: с копенки по снопу,
Аль с закрома по мере“.

Читатель, не мудри и зря не возражай.
Поп линию свою ведет примерно:
Помолится, и будет урожай—
У мужиков? Бог весть! А у попа—наверно.

НА ЧТО ПОКОЙНИКУ САПОГИ?

(Случай в деревне Югостицы, Смоленской губ.)

Мужик Исай Слепых, уже давно больной,
Жить приказал на Фоминой.
Покой ему, бедняге, вечный.
Вдова к попу—насчет убогих похорон.
А, к слову, поп, отец-Мирон,
Был, невпример другим, на-редкость поп сердечный.
Узнав от плачущей вдовы,
Что нечем будет ей платить за похороны,
Он молвил:—„Не у всех в кубышках миллионы.
Сам знаю я, твои достатки каковы.
Да, много горестей узнаешь ты, вдовея...
А что до платы мне... так дело не в деньгах...
Покойный твой Исай, мне помнится, говея,
У исповеди... кхе!.. был в новых сапогах".

На следующий день несли в гробу Исая.
Поп, на ноги свои украдкой взгляд бросая
(Ух, чорт, и сапоги ж!), гнусил, распялив рот,
А сзади по снегу с гурьбой босых сирот
Исаева вдова плелась босая.

СЫНОК

Помещик прогорел, не свесть конца с концом,
Так роща у него взята с торгов купцом.
Читателям из тех, что позлословить рады,
Я сам скажу: купчина груб,
И рощу он купил совсем не для прохлады,
А—дело ясное—на сруб.
Все это так, чего уж проще!
Однако ж наш купец, бродя с сынком по роще,
Был опьянен ее красой.
Забыл сказать—то было вешним утром,
Когда, обрызгана душистою росой,
Сверкала роща перламутром.
—„Не роща—божья благодать!
Поди ж ты! Целый рай купил за грош на торге!
Уж рощу я срублю,—орет купец в восторге,—
Не раньше осени, как станет увядать!“
Но тут мечты отца нарушил сын-мальчонок:
— „Ай, тятенька, гляди: раздавленный галчонок!“
— „И впрямь!.. Ребята, знать, повадились сюда.
Нет хуже гибели для птиц, чем в эту пору!
Да ты пошто ревешь? Какая те беда?“
— „Ой, тятенька! Никак, ни одного гнезда
Мне не осталось... для разору!“

Что скажешь о сынке таком?
Он жадность тятькину—в количестве сугубом—
Видать, усвоил с молоком.
Был тятька—кулаком.
Сын будет—душегубом!

ЧИЖ-ТРЕЗВЕННИК

БАСНЯ

— „Чиж-жик, чижик, где ты был?
На Фонтанке водку пил...
Вы-пил р-рюмку... вып-пил две...
З-заш-шумело... в га-ла-ве!..“
— „С чего ты, братец, так распелся?—
Вскричал воробушек чижу:
— Эге, да ты, как погляжу,
Уже порядком... разговелся!“
— „Пью!“—свистнул чижик воробью.
— „Пьешь? Видно. Вон какая резвость!
Аль не слыхал, что нынче—трезвость?“
— „А как же? С трезвости и пью!..
Попробуй, запишись, дружище...
Запьешь, гляди, меня почище!“
— „В чем дело, братец?“
— „В чем? А в том:
Когда великим-то постом
У нас средь птичьего прихода
Пошла на трезвость эту мода,
И под любым почти кустом
Все лишь про трезвость драли глотку,
На „зелье адское“, на водку,
Решил и я махнуть хвостом
И обязать себя обетом

Не пить, по крайности, хоть летом,
Когда у всех у нас хлопот
С детьми, с хозяйством полон рот.
Решив, пошел сказать об этом
Попу приходскому, отцу
Скворцу.
— „Ох!—молвил батя мне умильно:—
Слыхал я, чадо: пьешь ты сильно.
Рад за тебя теперь душой!
Искус приемлешь ты большой.—
Перед таким искусом, чадо,
Нам отслужить молебен надо".
Поп отслужил. Я заплатил.
Скорей домой. А поп вдогонку:
— „Иконку ты не захватил!"
Я заплатил и за иконку.
— „Блюди, сынок, себя! Блюди!
Через недельку приходи
Для совершения моленья
Об укреплении терпенья".
Расходы всё, а денег нет.
Тут приключилось искушенье:
Нарушил с кумом я обет.
Пришлось платить за нарушенье.
Корил отец меня, корил,
Потом молебен повторил
Об утвержденьи доброй воли.
Ан случай новый подоспел:
Дрозд—именинник был он, что ли?—
Позвал, а я... не утерпел:
Обет нарушил, значит, снова.
Открыл Скворцу вину свою.

Не говоря худого слова,
Он дал мне эпитимию.
— У бати строгие порядки!—
Три дня ему копал я грядки.
Беда! Горячая пора.
Из головы нейдет забота:
Ведь у меня там детвора,
У самого стоит работа.
Ну, отработал тяжкий грех,—
Ан, оказалось, что потребен
Еще особенный молебен
О здравьи трезвенников всех.
Через неделю—панихида
За упокой царя-Давида,
Еще кого-то... без конца!
И тут меня, дружок, обида
Взяла такая на Скворца,
Так стало тошно жить на свете,
Что, позабывши об ответе,
Хватил я здорово винца!
Пью! С горя: пил, да не пропился,
А тут—до нитки промолился!..
Ты что ж раскис-то, голова!
Воробыш! Плюнь! Все—трын-трава!
Тряхнем последнею полтиной:
Идем, брат, выпьем по единой!..
И—эх!..
Вып-пил рюмку, вып-пил две,
З-заш-шумело в га-ла-ве!
Ти тю-ли, тю-ли, тю-лей,
Нут-ка, рюмочку налей!!".

1914

ИЛЬЯ ОЧИЩЕННЫЙ

(Читается на церковный распев)

Не сходяще с уст у попа Илии
Святые словеса сии,
Их же по всяк час глаголя:
— „Да будет, боже, твоя воля!
Царю небесный, утешителю, душе истины!..
Господи, очисти ны!
Господи, очисти ны!“
И услыша господь поповское неустанное моление:
Бысть попу ночное явление.
Внидоша к нему в обитель честные мужи мнози,
Связаша ему и домочадцам его руце и нози,
И, помянув ему все его корыстные деяния,
„Очистиша“ все, до последнего одеяния.
— „Камо гряду? И кому печаль мою повем?“
Сокрушашеся поп у своего порога.
Рече безумец в сердце своем:
— „Несть бога!“
Опамятовавшеся же, взмолился поп перед своим
духовным стадом,
Заходя к каждой овце на дом:
— „Помози, чадо, чем можешь: тканью, яйцами,
злаками,
А наипаче денежными знаками!“

Не отринули овцы пасторского прошения:
Потекли к попу обильные приношения,
И возрадовася сердце попа Илии:
— „Лих мне,—рече поп,—в божьем бытии!
Благо б имелись дураки, бытия сего ради
Умножающие приходные статьи моей тетради
И наполняющие утробу моих очищенных сундуков,
Всегда, ныне и присно и во веки веко-о-ов!!“

Дураки: — „А-а-а-а-ми-и-и-инь!!“

1924

В ЦЕРКВИ

Сысой Сысоич, туз-лабазник,
Бояся упустить из рук барыш большой,
Перед иконою престольной в светлый праздник
Скорбел душой:
— „Услышь мя, господи!—с сияющей иконы
Сысоич не сводил умильно-влажных глаз.—
Пусть наживает там, кто хочет, миллионы,
А для меня барыш в сто тысяч... в самый раз...
Всю жизнь свою потом я стал бы... по закону...“
Сысоич глянул вбок,—ан возле богача
Бедняк-портной, Аким Перфильев, на икону
Тож зенки выпялил, молитвенно шепча:
— „Пошли мне, господи, в заказчиках удачу...
Последние достатки трачу...
Чтоб обернуться мне с детишками, с женой,
С меня довольно четвертной...“
Купчина к бедняку прижался тут вплотную,
От злости став белей стены:
— „Слышь? Лучше замолчи!.. На, сволочь, четвертную
И не сбивай мне зря цены!“

1914

ДОМ

В шестиэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

(„Новое Время", № 13056, 1912 г.)

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут—пришлось тужить:
Дом—ни продать, ни заложить,
Жильцы—вразброд бежали,
А кредиторы—жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: „Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою".
Вранье не всякому вредит:

Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,
Переменил обои
И—смотрит богачом!
Дом—только б не было насчет нутра огласки,—
По виду ж—ничего: жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в „новом“ доме все с заморских образцов:
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам—бесплатные услуги и дрова
И даже
— Живи в подвале, в бельэтаже—
Всем честь одна и та же
И равные права.
Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов—всего послушный только
дворник,
Хозяева ж—они. А что насчет цены,
Так дешевизне, впрямь, дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же—весь прогнил,—
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!

Хозяин в бурное приходит восхищенье:
— „Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!“
Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.
Как только ж удалося свесть
Ему концы с концами,
К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать, и честь,
И чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.
Контрактов не было, так потому хитрец
Мог проявить хозяйский норов
И выгнать бедноту без дальних разговоров.
А чтобы во „дворец“ не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам—
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно;
Дом рухнул. Только я проверить не успел.
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

1912

ПОСЛЕСЛОВИЕ 1920 года

На-днях, отдавши дань „очередным делам“,
Ушел я с головой в бумажный старый хлам:
Пред тем, как сбыть его на кухню для растопки,
Попробовал я в нем произвести „раскопки“.
И до чего был рад,
Когда нашел пяток полузабытых басен,
Что мною писаны „сто лет“ тому назад.
По скромности своей, конечно, я согласен,
Что басни—не ахти какой великий клад.
И все ж, считаяся со сроком
И с тем, какой я „дом“ тогда имел в виду,
Вы скажете, что я в двенадцатом году
Был недурным пророком.
„Дом“—сами знаете: стряслась над ним беда,—
„Хозяин“ и „жильцы“ из благородной кости
Махнули кто куда,—
По большей части—к чорту в гости;
А уцелевшие, осатанев от злости,
Досель еще чинят немало нам вреда.
Но, вырвав все клыки из их широкой пасти,
Мы барской сволочи вернуться снова к власти
Уж не позволим никогда,—
Ни им самим, ни их лакеям,
Всей „демократии“ гнилой,—
Мы знаем цену всей работе их былой
И „учредительным“ затеям:
В руке их—красный флаг, а белый—под полой.
Глупцами лестно ли нам быть в глазах потомков,
Быть осужденными суровым их судом?
Дом старый рушился. Но мы наш новый дом

Не станем строить из обломков.
Мы, „черные жильцы“, дадим врагам ответ:
Как их искусные строители ни бойки,
Но скоро убедить сумеем мы весь свет,
Что дома лучшего не может быть и нет,
Чем дом советской стройки.

РИСК

(С древне-греческого)

Фалей, лукавый грек, сквалыжный плут-
купец,
Корил носильщика Демада:
— „Обол? За этот груз? Опомнись, го-
лубок,
Корзина не ахти какая уж громада.
Будь я моложе, сам я б снес ее домой,
А ты—„Обол!“ Грабеж прямой!
А впрочем,
О чем мы зря хлопочем!
Не в деньгах, милый мой,
Не в деньгах счастье.
Я к беднякам привык питать всегда участье,
Да, на своем веку
И долгом, и суровом,
Не одному, брат, бедняку
Помог я... добрым словом.
Обол, ты говоришь. Бери, мне все равно.
Но слово доброе... оно...
Э... как, бишь, звать тебя? Демадом?
Корзину снес бы ты, Демадушка, мне
на-дом,
С посудою она с хрустальною. Неси,
Да не тряси.

За бескорыстную услугу
Три мудрых правила скажу тебе, как
другу".

Польстясь на мудрые слова,
Простец-Демад себе на спину
Взвалил огромную корзину.
Пыхтя, кряхтя, едва-едва
Под тяжкой ношею волок бедняга ноги.
— „Фу!—Одолевши треть дороги,
Носильщик стал.—
Передохну. Вконец устал.
Ну, что ж,— открой, Фалей, одно из мудрых
правил!"
Фалей Демада не заставил
Ответа слишком долго ждать:
— „Демад, не верь тому, кто станет утверждать,
Что для рабочего народа
Милее рабство, чем свобода".
— „Вот на!—сказал Демад.—Какой же дуралей
Чушь эту утверждать осмелится, Фалей!"
Понес Демад корзину дале.
— „Послушай, милый друг!—Так на втором
привале
Демаду стал Фалей вещать:—
Коль кто-нибудь тебя попробует смущать:
Мол, богатеть куда как вредно,
Что только бедняки способны жить безбедно,
Не зная ни хлопот, ни риску, ни потерь,
Ты этому... не верь".
— „Благодарим на добром слове,
Хотя и это нам не внове!"

Вздохнул с досадою Демад.
Пошли опять. Фалей наш рад:
— „Сюда, Демад... Хе-хе... Вот ты и разумей-ка...
Сюда, в переднюю, направо, где скамейка...
Ну, что ж ты стал, как пень? Снимай корзину, что ль!“
— „Постой. Успеется.—Гудит Демад в передней:—
— Делися мудростью... последней“.
„Изволь, — заегозил Фалей. — Изволь, изволь...
Коль скажет кто тебе... Ну, все равно, что скажет...
Чего ты смотришь, словно зверь?..
Иной, брат, так тебе распишет, да размажет...
А ты... не верь...“
Тут, изловчившися, Демад плечами двинул,
Да оземь так корзину кинул,
Что только звон пошел от хрусталя вокруг.
— „Друг,—полумертвому от ужаса Фалею
Сказал он:—пусть я околею,
Коль ты неправ, любезный друг...
Большое за твои три правила спасибо...
Слышь. Если скажет кто: в корзине, мол, теперь
Есть, кроме битого стекла, еще что-либо,
Так ты ему... не верь...“

— „Культура старая. Хрустальная лампада“.
Ну, что ж. Культуре исполать.
Но коллективного российского Демада
Фалеям нынешним уже не оседлать.

„Три мудрых правила“... Подобную мякину
Уже не пустишь в ход, чтоб жить чужим трудом.
Хоть все „культ-ценности“ Демад, согнувши спину,
Охотно понесет, но не в Фалеев дом,
А в дом свой собственный, который, по фасаду
Судить, Фалеев был, но перешел к Демаду.

1923

IV. ГУМАННОСТЬ

Буржуазия и буржуазная интеллигенция вопят о некультурности большевиков. Помещаемые здесь стихи отражают „г у м а н н о с т ь“ буржуазии. Своеволие, тупая жестокость, безответственность на деле и фальшивые слова о человеколюбии—вот сущность буржуазной гуманности.

ГУМАННОСТЬ

С.-Петербургское общество призрения животных сообщило Пермской городской управе, что вешать бродячих собак — не гуманно. Удобнее пользоваться специальным удушливым газом.

(Из газет)

— „Барбос!“—„Трезор!“
— „Ты что же смотришь истуканом?“
— „Собачник, вижу я, бежит сюда с арканом!“
— „Шмыгнем-ка под забор!“
Шмыгнули,
Улепетнули
На чей-то задний двор
И продолжают разговор:
— „Слыхал, Барбос, ты новость эту?
Намедни в мусоре я выудил газету,
Так в ней прочел я: дан по городам приказ,
Что вешать, мол, собак бродячих... не гуманно...
А дальше... как-то так... туманно:
Удушливый удобней, дескать, газ...“
— „Туман в твоей башке!.. Однакоже, как странно! —
Ворчит в ответ Барбос
Трезору: —

Ты, чай, слыхал про Лисий Нос?
Не дай господь попасть туда в ночную пору!
И все же это—пустяки.
Хоть я учен на медяки,
Газетки ведь и я читаю между прочим,—
Так слушай: у людей—какую богачи
На Ленских приисках пустили кровь рабочим!
Вот тут гуманность-то людскую и сличи:
Без виселиц, без газу,
А живота лишить сумели город сразу!"

Барбосу выводов подсказывать не будем.
Сказать по совести, не знаю я и сам,
Кому завидовать кто должен: люди—псам
Иль псы-бродяги—людям?

1912

ДОБРЯК

Какой-то филантроп, увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,
Лежащего средь цветника врастяжку,
Воскликнул:—„Жалко мне, дружок, измятых роз,
Но больше жаль тебя, бедняжку.
Скажи, зачем ты здесь?“
—„Ах,—отвечал сквозь слез
Малютка голосом, исполненным страданья,—
Я третий день... без пропитанья!..
И здесь я рву...
И ем... траву!“
— „Траву?—вскричал добряк, разжалобившись пуще.—
Так обойди же дом и поищи во рву:
Там ты найдешь траву куда погуще!“

1914

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ

Однажды в барский особняк,
В роскошные приемные палаты,
Краснея за свои лохмотья и заплаты,
Пришел за помощью бедняк.
Хоть стыд его давил почище всякой ноши,
Да барин—человек, по слухам, был хороший,
И впрямь—пред гостем он размяк.
Как вдруг на бедняке он увидал... калоши!
Казалось бы, пустяк!
Но филантроп вскипел:
—„Ах, чортов ты тюфяк!
В конюшне быть тебе, а не в моей гостиной!
И ты, невежа, мог,
Такою будучи неряшливой скотиной,
Еще рассчитывать, чтоб я тебе помог?!
Вон, хам! И не посмей сюда являться снова!!“
Бедняга не успел в ответ промолвить слова,
Как вылетел тормашкой за порог.

Наказан был бедняк примерно.
Калош не снял он—верно!
Да как их снять, когда под ними нет сапог?!

1912

ХОЗЯИН И БАТРАК

Государственный Совет постановил увеличить до 15 часов рабочий день приказчиков и лишить их праздничного отдыха.

(Из газет)

Над мужиком, над Еремеем,
В деревне первым богатеем,
Стряслась беда:
Батрак от рук отбился,—
Батрак Фома, кем Еремей всегда
Хвалился.
Врага бы лютого так поносить не след,
Как наш Фома Ерему:
— „Людоед!
Чай, вдосталь ты с меня повыжал соку,
Так будет! Больше мне невмочь
Работать на тебя и день и ночь
Без сроку.
Пусть нет в тебе на грош перед людьми стыда,
Так побоялся б ты хоть бога.
Смотри—ведь праздник у порога,
А у тебя я праздновал когда?
Ты так с работой навалился,
Что впору б дух лишь перевесть.

За недосугом я, почесть,
Год в церковь не ходил и богу не молился!“
На батрака Ерёма обозлился:
—„Пустые все твои слова!
Нанес ты, дурья голова,
Большую гору
Вздору.
Никак, довесть меня ты хочешь до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.
Смекай—коль не сошел еще совсем с ума:
Кто любит праздновать, тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня—я на тебя дивлюсь:
„Год богу не молюсь!“
А не подумал, Каин,
Что за тебя помолится хозяин?!“

1912

ОПЕКУН НА СТАРЫЙ ЛАД

Сечь вообще отвратительно. Так больно. Но... высекли: и молодые люди не самоубиваются и не совершают преступлений (столь частых). Но перестали сечь: вдруг молодые люди сами себя начали „сечь“ самоубийствами и преступлениями.

(В. Розанов. „Новое Время“, № 13203)

У Клима помер зять,
Господь бедняге не дал веку.
Так довелося Климу взять
Егорку-сироту в опеку.
Едва ль не со второго дня
Наш опекун ворчит: „Мотри ты у меня!
Не стану по головке гладить.
Набедокуришь—буду сечь.
Замашек всяческих теперь как не пресечь,
Так опосля с тобой не сладить“.
И что ни день, с тех пор,
Как только час улучит,
Мужик сиротку учит:
То по загривку даст, то схватит за вихор,
То палкой взбучит!..
— „Побойся бога, Клим!—вздыхал сосед Пахом:—
Опека бы твоя не кончилась грехом!“

Грехом и кончилась. Случилось: после порки
День целый опекун не мог сыскать Егорки.
— „Вот язва-то! Вот песий струп!
Полезем на чердак. Там негодяя нет ли?..
Есть! Вот!“... И обмер сам: на мужика из петли
Глазами страшными холодный глянул труп.
И плач и вой пошел по дому. Напоследи
Сбежалися соседи.
— „Что?—все накинулись на Клима:—что, злодей?!“
— „Как будешь ты глядеть, скотина, на людей?“
— „У, чтоб те руки обломало!
Дитё, сироточку, побоями сгубил!“
— „Бил!—огрызнулся Клим:—беда не в том, что бил!
Беда—что бил, как вижу, мало!“

Нововременскую прочтя на-днях статейку,
Где, изнасиловав убогую идейку,
Сеченье воспевал какой-то подхалим,
Я ахнул: батюшки! Да это ж пишет... Клим!

1913

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню—господи, прости!
Как давно всё было!—
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
„К господам на елку".

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
— „Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обносилась что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок—
Не прикроешь сраму!"

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
— „Ну, и девка же: огонь! —
Тетушка вздохнула:—

Всё гульба нейдет с ума
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет „с а м а“! —
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла, —
К матери с вопросом:

— „Здравствуй, Катя! Ты—с сынком?
Муж, чай, рад получке?“
В спину мать меня пинком:
— „Приложися к ручке!“

Сзади шум. Бегут, кричат:
— „В кухне—мужичонок!“
Эвон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

— „Позовем его за стол!“
— „Что ты, что ты, Пепка!“
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившися домой,
Задал реву сразу.
— „Дём, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен сглазу“.

Кто-то тут успел принесть
Пряник и игрушку:
— „Это пряник. Можно есть".
— „На, бери хлопушку".

— „Вот—растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!"
В кухне тихо снова.

Фекла злится:—„Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальца глядят как: во!
Словно из зверинца!"

Груня шепчет: — „Дём, а Дём!
Напечем-наварим.
Завтра с Феклой—жди—придем.
То-то уж задарим!"

Попрощались и—домой.
Дома—пахнет водкой.
Два отца—чужой и мой—
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.
Незабвенная пора,
Золотое детство!

СЕМЕНА

Самовар свистал в три свиста.
Торопяся и шаля,
Три румяных гимназиста
Уплетали кренделя.

Чай со сливками любовно
Им подсовывала мать.
— „Вновь проспали! Девять ровно!
Надо раньше поднимать!

Всё поблажкам нет предела!..“—
Барин ласково гудел.
Мать на младшего глядела:
— „Вася будто похудел...

Нету летнего румянца!..“
Состоя при барчуках,
Тятька мой три школьных ранца
Уж держал в своих руках.

А за ним пугливо сзади
Я топтался у дверей.
Барин снова: „бога ради,
Мать, корми ты их скорей!

Вот!—он к тятьке обернулся,—
Сколько нам с детьми хлопот.
Из деревни твой вернулся?
Разве зимних нет работ?

А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?
Покажи-ка, что за книжка!
Подойди ж, дурак, сюда!“

Я стоял, как деревянный.
Тятька подал книгу вмиг.
— „М-да!.. Некрасов?.. Выбор странный!..
Пользы что с таких-то книг!!

Ну, стишки!.. Ну, о народе!
Мальчик твой, по существу,
Мог бы лучше на заводе
Обучаться мастерству!..

Или все мужичьи дети
Рвутся выйти в господа?..
И опять же книги эти...
Сколько скрыто в них вреда!..

Дай лишь доступ в наше время
К их зловредным семенам!!!“
Тятька скреб смущенно темя:
— „Что уж, барин!.. Где уж нам!..“

Я со страху и печали
На ногах стоял едва,

А в ушах моих звучали
Сладкой музыкой слова: [1]

„Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися. Что за дело?
Это многих славный путь...

Не без добрых душ на свете—
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете—
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай, да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!“

[1] Из стихотворения Некрасова „Школьник“. (Прим. ред.)

„БЛАГОДЕТЕЛЬ“

Друзья-товарищи, не знаю, что со мной?
Должно, всему виной
Мои превратные марксистские идеи.
Ведь про хозяев я писал, выходит, ложь.
Поверить мне — и впрямь хозяева все сплошь
Какие-то злодеи.
Винюся и даю вам образец иной.
Пусть торжествует добродетель.
Вот вам „хозяин-благодетель“,
„Отец родной“.

— „Спасибо,—кланялся хозяин верным слугам,—
Не мастер, братцы, я красиво говорить.
Не знаю, как вас по заслугам
Благодарить.
Я с вами зачинал и с вами создал дело.
Я вам обязан всем добром:
С заводских черных стен до этих вот хором,—
Во всем ваш дух и тело.
В работе общей мы слились в одну семью.
Я нуждам вашим всю, всю душу отдаю
И позабочусь впредь о вашей светлой доле:
За то, что для меня вы не щадили сил,
За то, что были вы всегда в хозяйской воле,
Чтоб чувствовали вы, как я ваш труд ценил,
Дарю вам купчую на пятьдесят могил“.

1913

БЛАГОДАРНОСТЬ

— „Спасите!.. Режут!.. Караул!!!“
— „Робя!.. Корней... Петра... Федул!
Будите всех скорее, черти!!
Чать, у хозяина разбой!“
Бегут приказчики толпой
Спасать хозяина от смерти.
Вмиг дом хозяйский окружив,
И в дверь, и в окна прут ребята.
Разбойная ватага смята.
Хозяин жив!
— „Ф-фу!—отдышался наш купчина:—
Уж думал я: пришла кончина.
Ан, слава богу, уцелел.
Теперя б одного хотел:
Чтоб, значит, братцы... по закону...
Вы мне по рублику б снесли...“
— „За что?!“
— „Воздвигли б вы икону
За то, что вы меня спасли!“

1912

РАБОВЛАДЕЛЬЦЫ

Большая торговая площадь. Деревянный помост. На помосте торговый комиссионер по продаже „вольнонаемных“ рабов. Рядом с ним, шеренгой, „продающиеся“. Вокруг помоста — громадная, тысяч в десять, толпа: покупатели, любопытные и т. п.

Комиссионер

Эй, честные господа,
Подходите сюда!
Товар лицом.
Полюбуйтесь этим молодцом!

Голос из публики

Рубаху-то с себя он пропил, видно?

Комиссионер

Слов нет, парень выглядит несолидно:
Одет не по последней моде.
Пролетарий, в некотором роде.
Всего на нем штаны да поясок.
Одну рубаху променял на хлеба кусок,
А другой рубахи не нашел в комоде,—

Да не в рубахе дело.
Полюбуйтесь на это тело:
Сложение Геркулеса,
Широкие плечи, могучая спина...
Не пьяница, не повеса...

Голос из публики

Какая цена?

Комиссионер

Кто больше даст, тот и купит!
Товарец, можно сказать, еще сырой.
А вот вам второй.
Первому не уступит.
Годен ко всякой работе.
Служил добровольцем во флоте.
По случаю побед и одоления
Ищет работы и прокормления.
Отличался. Имеет ордена.

Голос из публики

Какая цена?

Второй голос из публики

Да у него как будто нога не в порядке!

Комиссионер

Годится, чтоб ходить по огородной грядке.
Чай, ему не придется танцовать по паркету.
Особой беды нету.
Нога повреждена на войне.
Сойдет за здоровую вполне,
Хоть и не имеет настоящего вида.

Первый голос из публики

На кой нам ляд такого инвалида!

Второй голос из публики

Наплачешься с такой покупкой!

Комиссионер

Зато продается с уступкой!
Третий! Третий! Третий!
Без всяких таких междометий.
Парень хоть куда.
Фигура маленько худа.
А вообще все исправно.
Стукнуло двадцать лет недавно.
Еще не в полном соку.
Претерпел всего на веку.
Отца на заводе придавило лебедкой.
Мать померла, болела чахоткой.
Парнишка к работе внимателен,
В еде невзыскателен.
Может, теперь не всякому понравится,—
Он на хороших хлебах поправится...

Второй голос из публики

Да на нем кожа одна!

Первый голос из публики

Какая цена?

Второй голос из публики

Он, ведь, шатается от малокровия.

Комиссионер

Согласен на любые условия!..
Четвертый! Четвертый! Поглядите!
Тоже скажете: калека?
Да его хватит на два века.
Сколько, мил-сдари, дадите
За этого распрекрасного молодого человека?
Этот—и остальные прочие—
Клад, а не рабочие!
Все бывшие солдаты.
Постой, дуралей, куда ты?

Четвертый, отойдя в сторону, закрывает глаза руками, плачет.

Возмущенные голоса рабочих из толпы

У, сволочи!
Отольются вам наши слезы!

Проходящая мимо дама с лорнетом

Какие... странные... курьезы...

Не похоже на правду, собственно говоря.
А между тем—все правда в моем фельетоне.[1]
Происходило описанное девятого сентября
Тысяча девятьсот двадцать первого года, в городе Бостоне,
В великой северо-американской демократии.
Друзья, когда кто из эсеров или меньшевистской братии
Закатит вам на митинге „демократическую“ истерику,
Пошлите его в Америку!

13 октября 1921

[1] Заимствовано из американской газеты „Нью-Йорк Кооль“. См. „Правду“, № 229 за 1921 г., отдел „За границей“. (Прим. авт.)

V. ПРИТОН

Весь дореволюционный строй — от Думы и царя до сельского старосты, — чиновники, цензура, фабриканты, власть, печать, — все было против трудящихся, все оборачивалось притоном разбойников, палачей, супостатов.

Дошел до станового слух:
В селе Голодном—вольный дух:
У двух помещиков потрава!
И вот с несчастною, покорною толпой
Кровавая учинена расправа.
Понесся по селу и плач, и стон, и вой...
Знал озверевший становой,
Что отличиться—случай редок,
Так лил он кровь крестьянскую рекой.
Что ж оказалось напоследок?
Слух о потраве был пустой:
От мужиков нигде потравы никакой.
— „Ах, чорт! Дела на слабом грунте!
Не избежать плохой молвы!“
Но, не теряя головы,
Злодей строчит доклад об усмиренном бунте.
Меж тем, очнувшися от бойни, мужики
На тайном сходе у реки
Постановили: быть Афоне
За дело общее в столице ходоком,
Пред Думой хлопотать,—узнать, в каком законе
Дозволено все то, что ноне
Лихие вороги творят над мужиком?—

Уехал наш ходок и через две недели
Привозит весть.
Не дали мужики Афоне с возу слезть,
Со всех сторон насели:
— „Был в Думе?“—„Был“.
— „Ну, что?“
— „Да то:
Судились овцы с волком...“
— „Эй, не томи!.. Скорее толком
Все говори,—кричит Егор,—
Нашел на извергов управу?“
— „Не торопись ты... Больно скор...
Мы казнены и впрямь совсем не за потраву.
Шел в Думе крепкий спор
Про наше—слышали?—про наше изуверство!
Но всех лютей чернил нас некий старичок...
По виду так... сморчок...
А вот—поди ж, ответ держал за министерство:
— „Потравы не было. Да дело не в траве:
У мужика всегда потрава в голове“.—
Так, дескать, господа нас малость постращали
Чтоб мы-де знали:
Крепка еще на нас узда!
А кровь... Так не впервой у нас ее пущали...
Что, дескать, было, так и будет повсегда!“
— „Ай, горе наше! Ай, беда!
Ни совести в тебе, скотина, ни стыда!“—
Тут с кулаками все к Афоне:—
„Ты ж в Думу послан был, а ты попал куда?
Ведь ты же был, никак, балда,
В разбойничьем притоне!“

1912

Святая истина была в словах толпы:
Ведь в Думе кто сидел? Помещики, попы.
А с мужиком у них была какая спайка?
Крест да нагайка!

1918

ОПЕКУН

Такое диво в кои веки:
Совсем на-днях сановник некий
Сиротский посетил приют.
— „Великолепно! Превосходно!
Ну, прямо рай: тепло, уют...
Детишки—ангелы. А честь как отдают!
И маршируют?“
— „Как угодно,—
По отделеньям и по-взводно...“
— „Быть может, „Славься“ пропоют?
Восторг! Божественно! И этому виновник?..“
Смотритель дал ответ:—„Я-с и моя жена“.
— „За все вам русское мерси!—изрек
сановник.—
Такая именно нам школа и нужна,
С патриотической основой.
Я очень ваш почин ценю.
Я доложу о вас... Я в долг себе вменю...
А здесь—столовая? Доволен и столовой.
Позвольте мне меню.
— Как?—вдруг вскипел наш гость:—Молочный
суп... Жаркое...
И это... это—в пост!
Чорт знает, что такое!“

— „Ваш Сясь! Питание... Малютки... Хилый
рост...
Из бедноты сиротки...
Родные померли все больше от чахотки...
Врачи...“
— „Врачи нахально врут!
Не допущу потворства!
С поста не мрут,
А мрут с обжорства!“

— „Ведь этакий вандал!“ —
Иной читатель скажет гневно.
А я б опекуна такого оправдал:
Ведь он от голоду ни разу не страдал,
А от обжорства—ежедневно!

ГАСТРОНОМ

— „Как звать тебя?“
— „Памфил Босой“.
— „Подумать, гастроном какой тут объявился!“
Заводчик так рабочему дивился:
Бедняга-гастроном гнилою колбасой
Давился.
— „Знать, заработки хороши?“
Хозяин вымолвил ехидно.
— „Куда!—вздохнул Памфил,—гроши!“
— „Гроши? Оно и видно.
Где мастер?“
— „Здесь!“
— „Пиши...
За лишний жир... вот этому вот... графу...
Целковый штрафу!“

Пожалуй, скажет кто: „Ну, мыслима ль когда,
Хоть и в хозяине, такая подлость, друже?
Так не бывает!“
Господа,
Бывает так,—хоть, правда, не всегда:
По большей части—хуже!

ПАРИ

— „Мавруша!.. Кисанька!..—Печально серый кот
Мяукал у ворот.—
О, душегубство! О, злодейство!
Ну, как теперь один я выняньчу котят?
Они ж еще и не глядят!
Пропало все мое семейство!“
— „Голубчик, Вася, что с тобой?
Да не нужна ль моя услуга?“—
Летит Барбос на голос друга.
— „Ох, брат, наказан я судьбой!“
— „Как? Говори скорей! Уж я взаправду трушу“.
— „В трактире... сжарили и съели, брат, Маврушу“.
— „Кто съел-то?“—взвыл Барбос, попятившись назад.
— „Рабочий... то ль мужик... Побился об заклад...
За пять целковых, супостат,
Маврушу слопал.
Всю—с головы и до хвоста!“
— „Да что ты? Батюшки! Нет, это неспроста.
Не, не!..“—растерянно глазами пес захлопал.

Читатель, что ни говори,
Тут ясно—дело не в пари.
Раз не осталося от кошки
Ни хвостика, ни ножки,
Наверно, „супостат“ денька четыре-три
Пред тем не видел... хлеба крошки.

РАЗМАХНУЛСЯ Б Я БАСНЕЙ ЗАДОРНОЮ...

Задержаны и арестованы три народных певца, распевавших по дворам песни революционного содержания.

Размахнулся б я басней задорною,
Распростясь на минуту с кручиною,
Да боюсь, чтобы слезы не брызнули
Под веселой личиною.

А и спел бы я, братцы, вам песенку
Обо всем, что на сердце скрывается,
Да не всякая песенка
До конца допевается.

1912

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ „СОЛОМОН“

БЫЛЬ

Не поделив с отцом Ипатом
Бог весть чего, бобыль-Артем
Облаял батю непутем.
— „Ну, я ж с тобою, супостатом!
Постой, попомнишь, хулиган,
Как поносить духовный сан!“—
Строчит куда-то поп бумажку.
Глядь, волокут Артема в стан:
„На три недели—в каталажку!“
Но за Артема все село:
Ему-де будет тяжело,
Бедняк болеет ведь падучей.
Кряхтит урядник:
— „Экий случай!
Ну, что ж... Садися наперед...
А там начальство разберет...“
Не долго ждать пришлось разбора:
— „Припадки? Может—нету спора—
Мужик себе и повредить.
Родню с ним, что ли... посадить?
Не изменять же приговора.

Насчет поблажек—извини!
Такой порядок нам неведом.
Что? Как? Бобыль? И нет родни?
Так заменить родню... соседом!“

1913

ПРАВДОЛЮБ

„В таком-то вот селе, в таком-то вот приходе“,—
Так начинают все, да нам—не образец.
Начнем. В одном селе был староста-подлец,
Ну, скажем, не подлец, так что-то в этом роде.
Стонали мужики:—„Ахти, как сбыть беду?“
Да староста-хитрец с начальством был в ладу,
Так потому, когда он начинал на сходе
Держать себя подобно воеводе,
Сражаться с иродом таким
Боялись все. Но только не Аким:
Уж подлинно, едва ли
Где был еще другой подобный правдолюб!
Лишь попадись ему злодей какой на зуб,
Так поминай, как звали!
Ни перед кем, дрожа, не опускал он глаз,
А старосте-плуту на сходе каждый раз
Такую резал правду-матку,
Что тот от бешенства рычал и рвался в схватку,
Но приходилося смирять горячий нрав:
Аким всегда был прав,
И вся толпа в одно с Акимом голосила.
Да что? Не в правде сила!

В конце концов, нашел наш староста исход:
— „Быть правде без поблажки!“
Так всякий раз теперь Аким глядит на сход...
Из каталажки.

1912

VI. ЛИЦЕДЕИ

Залог успеха всех буржуазных партий—в обмане народных масс. Прикидываясь друзьями и благодетелями, капиталисты и их приспешники кричат о свободе и дают обещания.

Надо уметь разбираться в их крикливой лжи. Банкиры, попы, эсеры, меньшевики готовы нагородить полный короб обещаний, чтобы потом свести их к нулю, как это образно изображено в басне „Свеча".

Недавно случай был с Барбосом:
Томила пса жара,
Так средь двора
Клевал он носом.
А не заснуть никак! Усевшись на тыну,
Сорока-стрекотуха
Мешала сну.
— „Ой, натрещала ухо...
И принесло же сатану!
Чай, больше места нет?.. Послушай-ка, болтуха:
Уж ты б... таё...
Недалеко до лесу...
Летела б ты, ей-богу, к бесу!“
Сорока же—своё:
То сядет, то привскочит,
Слюною глазки мочит,
Псу жалобно стрекочет:
— „Голубчик, не озорь!
Ведь у меня, гляди, какая хворь:
Я так измаялась, устала,—
Пить-есть почти что перестала,—
Вся измытарилась—и сердцем и душой,
Скорбя о братии меньшой!
И ко всему щеку раздуло... вспухли губы...

Ох, смертушка! Нет сил терпеть зубную боль!“
— „Щека и губы... Тьфу!—рычит Барбос,—
позволь,
Трещотка чортова, кому бы
Врала ты, да не мне.
Где ж видано, в какой стране,
— Уж разве что во сне—
Чтоб у сороки были зубы?!“

Урок вам нужен? Вот урок:
Встречаются меж нас нередко лицедеи:
Высокие слова, высокие идеи,—
Нет подвигов, но будут—дайте срок!
Известно urbi et...—(Смотри словарь!)—et orbi:
Их грудь—вместилище святой гражданской скорби!
На деле ж вся их скорбь—зубная боль сорок!

1912

ПАУК, МУХА И ПЧЕЛА

— „Одно движение! Один хотя бы звук!
Что с вами, господин паук?
Изволите терпеть лихую голодуху?—
Набравшись как-то духу,
Спросила муха паука...
Издалека.—
Быть может, вы больны? Иль, может, вы оглохли?
Иль гордость ваша такова,
Что вы скупитесь на слова,
Иль, извините, вы... издохли?
Как жаль! Я вам словечка два
Таких сказать хотела
(Тут муха ближе подлетела),—
Словечка два таких, что сразу прочный мост
Меж нами был бы перекинут.
Подумайте: от вас так часто мухи гинут,
А все-таки знавать приходится вам пост.
Меж тем, хоть мы враги, — сказать не лицемерно!—
Мы с вами бой вести могли бы планомерно:
Ни вы, ни мы в борьбу не лезли б напролом.
Весь спор наш принял бы культурную личину".

Увлекшись, муха тут крылом
Задела паутину.
И в тот же миг стрелой
Паук напал на муху:
— „Поговори теперь со мной
Про голодуху!“
Все это видела рабочая пчела.
— „Эх, муха, чтоб тебя! Ты сдуру начала
Свою нелепую затею!
С какими планами ты лезла к лиходею?
У паука в уме всегда одно лежит...“
— „Ох, знаю, что лежит!.. Ох!—муха
чуть жужжит.—
Ох, пчелка, холодею!..
А план был... все-таки хорош!..“
Погибла муха за идею,
Цена которой—грош.

1913

Всему трудящемуся люду
Твердил и вновь твердить я неустанно буду:
Буржуй привычен гнуть рабочих в три дуги;
Рабочий и буржуй—извечные враги.
Отсюда вывод ясен:
Как бой с буржуем ни опасен,
О соглашеньи с ним и думать не моги.
Тот, кто надеется без бою (меньше риску?!)
Буржуя обуздать, взяв от него подписку
„О вечной мировой“,
Тот, выдавши себя буржую головой,

Согнув пред ним холопски спину,
Как муха к пауку—сам лезет в паутину.
Берите ж все пример, достойный похвалы,
С коммунистической пчелы
И не склоняйтесь к подражанью
Мух меньшевистскому жужжанью!

1918

КОРНЕЙ

БАСНЯ

От вора нет запора:
К добру чужому вор всегда пути найдет,
И если сторожит добро собачья свора,
Так он и свору уведет.
Зачем? Известно, для продажи.
(Собачина теперь за лакомство идет.)

В одном селе, что день, то объявлялись кражи:
Там—лошадь увели, там—боров был и нет,
Там—весь амбар очистил кто-то...
Гадали мужики: чья б эта вся работа?
Напали под конец на след:
Корнея сцапали с поличным!
— „Ты что же, вражий сын? Был мужиком отличным
И вдруг...“
— „Попался, чорт? Ну, как нам быть с тобой?“
— „Коня чужого вел, хе-хе, на водопой?!“
Шумел кругом народ, глумясь над конокрадом.
Корней, понурившись, стоял перед толпой.
Из глаз катились слезы градом.

— „Я... братцы!.. Господи!.. Какой я,
братцы, вор?
Не помню, как залез к Федоту я во двор...
Попутал, знать, меня нечистый
(Корней был паренек речистый).
Да рази ж я когда, хоть раз до этих пор,
Был вами в чем худом замечен?
Да попадися мне какой-нибудь злодей
Который нищил бы людей,
Он мною первым бы был на-смерть изувечен!
Не о прощении я, братцы, вас молю.
Я докажу, кто я! Все убедились чтобы...
Назначьте сторожем меня, хотя б для пробы...
Я за неделю всех воров переловлю!“
Размякли мужики. Помиловали вора.
— „Что ж,—молвил дед-Егор,—простим
на первый раз.
Ступай, Корней, но впредь уж не пеняй на нас:
Убьем, как пса, без разговора!“
— „Да я...—завыл Корней,—да чтоб мне
околеть!“
И в ту же ночь у деда у Егора
До ниточки очистил клеть!

Кто ждет раскаянья от Виктора Чернова?
Нет, он неисправим, эсеровский Корней!
Белогвардейская всё та же в нем основа.
Чтоб волк эсеровский не рвался до мясного,
Не оставляй ему—не то зубов: корней!
Так дело будет поверней!

25 марта 1919

ТОЛКОВАТЕЛИ

Склонясь на аналой у самых царских врат,
Духовный пастырь—поп Ипат,
Во вразумление и врачеванье „стада“,
Толкует битый час евангелье Луки.
Словам „отца“ внимают „чада“—
Подростки, бабы, мужики.
Внимают трепетно и жадно,
Ждут утешения, но утешенья нет,
И так-то на душе тоскливо, безотрадно!
Жесток в устах попа „евангельский завет“!
И невдомек совсем убогому народу,
Что не было Христа на свете сроду
(А ежели б он был, такому сумасброду,
Конечно б, избежать не удалось креста!),
Что нестерпимо лгут поповские уста,
Что от поповского подходу
В „святом“ писании линяют все места.
Так у насильников да у попов и вышло.
Евангелье—что дышло:
Свят-свят, свят-свят! Кадят, вопят,
А сами денежки копят
И, прикрываясь „святою благодатью“,
Стегают в три кнута свою „меньшую братью“,

Которой жизнь—не в жизнь, хоть не глядеть
на свет.
Вот у господ каков „евангельский завет"!

Народ родной, смотри же в оба!
Господская вокруг тебя бушует злоба.
Чтоб окарнать тебя верней, твои враги,
Сгибавшие тебя доселе в три дуги,
В умильнейших речах толкуют о свободе.
Но речи их в поповском роде:
Слова и замыслы—нет, не одно и то ж:
Свобода—на словах, а за спиною—нож!

1917

СВЕЧА

— „Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко...
Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем—все равно—
Водой промочит все зерно".
Приказчик мечется, хлопочет,
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
— „Святители! Разор!
Чины небесные, архангелы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!.."
То слыша, говорит приказчик Пантелею:
— „Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то...
всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?"
— „Молчи, дурак,—умнее будешь!—
Хозяин отвечал сквозь слез:—

Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим,—
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!“

1913

СОГЛАШАТЕЛИ

У пастухов про волка разговор.
За словом слово,—глядь, уж вышел жаркий
спор.
От спора далеко ль до драки?
Дерутся пастухи, за ними вслед—собаки!
— „Вот это толк!
Вот это мне и надо!“—
Ликует волк,
Прокравшийся в овечьей шкуре в стадо.
Взобравшись на бугор, он к овцам держит речь:
— „Овечки, ярочки, подруги!
Покажемте пример для всей округи,
Что овцам незачем давать себя стеречь!
Удрав от пастухов с их преданными псами,
Докажем всем, что мы от волка уберечь
Себя сумеем сами.
Да что! Ведь, как никак, волк тоже с головой:
Смекнет он сам, что с нами
Ему расчет прямой
Сойтись на мировой.
Подруженьки, нет спору,
Что волку не корысть
Овец вповалку грызть
Без вкусу, без разбору,

Сподручней для него нас есть... по договору.
Забыв, что было день назад,
Мы с волком поведем дела на новый лад.
И я уверена, что сам он будет рад
К обеду резать нас—законно и без риску—
По нами ранее одобренному списку".

1912

Когда случится вам услышать молодца,
Который речь загнет, подобную вот этой,
Смущая робкие сердца,
Пред вами, знайте все: иль волк переодетый,
Иль глупая овца
Из соглашательской породы.
Для соглашателя все хороши подходы,
С лихим врагом вести готов он торг любой,
Но не открытый бой;
Пугаяся волков, щадя овечьи шубы,
Овец с волками он мирить давно привык.
Для соглашателя ухватки наши грубы:
Мы норовим всегда—у волка вырвать зубы,
У соглашателя—язык!

3 мая 1919

„МЕ-МЕ“

БАСНЯ

Ночь... Небо синее... Луна и всё такое...
Опять же рядышком кума...
Так диво ли, что волк, разнежившись весьма,
Стал исходить в любовном вое?
— „Ах, кум,—заахала восторженно лиса,—
Бывают же такие голоса!
Кум, перестань. Смотри: я плачу!“
— „Недурно?—отвечал куме польщенный волк:—
Ну, успокойся, я умолк.
Как видишь, я своих талантов зря не трачу.
Хотя, по совести, какой же я певец?
Нет, ты послушала б хороший хор овец,
Так ты признала бы без моего влиянья:
Нет ничего милей овечьего блеянья!
„Ме-ме!.. Ме-ме!..“ Напев как бы совсем простой,
А что такое „ме“? Ты вслушайся да вникни.
Выходит—ежли волк овце прикажет: стой!
Так значит: стой, овца, не пикни!
Покорно отвечай своею головой
И волка не вводи в излишнюю досаду,
Чтоб, утолив тобой законно голод свой,
Волк большего вреда не причинил бы стаду.
Да. Потому что волк есть волк, а ты—овца,

И оба правы до конца,
И ни к чему все эти толки,
Что гибель скорая постигнет всех волков,
Раз основной закон истории таков:
Где есть дремучие леса, там есть и волки.
И ясно, что пройдут еще века, века,
Пока расчистятся все дебри, и пока
Вся жизнь устроится по новому закону,
Настанет тишь да гладь, да божья благодать,—
Мир уподобится овечьему закону:
Везде одна овца, а волка не видать.
Но рая этого придется долго ждать!
До тех же пор овце брыкаться неприлично.
Вот что такое „ме“. Ты поняла, кума?“
— „Еще бы! Поняла отлично.
Во всех курятниках обычно
Такие ж песенки слыхала я сама“.

Чем, право, не пример овечьих убеждений,
Весьма приятных для волков
(Для всех Деникиных и прочих Колчаков),
Ме... ме... ме... методы программных рассуждений
Ме... ме... ме... ме... меньшевиков?!

10 июля 1919

ПРЕДАТЕЛЯМ

(О Кронштадтском матросско-белогвардейском мятеже)

Всё те же карты, та ж игра,
И козырь той же подлой масти.
Всё те же игроки—враги Советской власти:
Предатели-офицера,
Дворянские сынки—минувшего осколки,
Право-эсеровские волки
И меньшевистская икра.
В Кронштадте—новом государстве—
Превосходительный подлец сидит на царстве.
Эй, вы, шипевшие по всем углам вчера,
Предатели, рабы, антантовские мавры,
Куда вы спрятались? Кричите же „ура“
И бейте в гулкие литавры!
В Париже, в Лондоне, в Нью-Йорке в этот час
Все биржи молятся за вас,
Готовя спешно вам заслуженные лавры.
Лакеи верные врагов страны родной,
Вы, черви, севшие на всходы нашей нови,
Наденьте же венки, надвиньте их на брови.
Венки оценены великою ценой—
Народных слез, народной крови!

В какой проклятый час, какой лукавый дух
Внушил вам веру вновь в успех дворянской шпаги?
Каким шептаньям внял ваш поврежденный слух,
Что в наших боевых, стальных рядах потух
Огонь испытанной отваги?
Да будет то, к чему зовет нас мстящий Рок.
И если суждено нам перейти порог
К высокой цели—через трупы,
Что ж? На удары мы в бою не будем скупы
И, исторический сметая сор и хлам,
Обрекши всех врагов народному проклятью,
Мы проведем метлой с железной рукоятью
По омерзительным телам,
Отмеченным предательской печатью!

4 марта 1921

VII. О НАШЕМ НОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КУРСЕ

Поворот в экономической политике — уступка крестьянству. Ошибкой было бы считать нэп уступкой буржуазии. Напрасно надеялись представители капитала на поражение Советов: нэп — это лишь новый вариант пролетарской диктатуры. Но он таит в себе некоторые опасности, бороться против которых — наша задача. Об этих-то опасностях надо постоянно помнить.

О НАШЕМ НОВОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ КУРСЕ

Я пишу не для стойких рабочих-борцов,
Новой жизни творцов:
Не нужны им мои назидания,
Чтобы выдержать ждущие нас испытания.
Но пишу я для тех,
Кто, весьма претерпев и терпя свыше меры,
Уж готов распроститься с остатками веры
В наш конечный победный успех.

Прям был путь наш и шел он все в гору и в гору.
И не раз приходилось в тяжелую пору
Слышать вопли из нашей рабочей среды,
Брань—друзей, проклинавших крутую дорогу,
Брань—врагов, затесавшихся в наши ряды,
Чтобы сеять средь нас и раздор и тревогу.
На какие пришлось нам итти заграждения!
Их наш бурный, безудержный натиск сносил!
Но—увы!—под конец для прямого всхождения
Не хватило у нас человеческих сил,
И,—в поступках своих объективно не вольные,—
За собою влача черноземный народ,
Мы свернули теперь на дороги окольные,
Подойти к нашей цели стараясь в обход!

Вьются эти дороги по-русски, извивами:
То над речкой, обросшей плакучими ивами,
То сыпучим песком,
То по пням, по кореньям, еловым леском,
То по хлябкой трясине,
То вперед, то назад, то вперед, то назад...
Нету вех, ни столбов верстовых и в помине,
И приходится ехать порой наугад!

Города в стороне. Рад, попавши в селение
Под опросы сторожких Митюх да Ванюх.
Тут поможет нам верное взять направление
Лишь рабочий, испытанный, классовый нюх.

Нам придется Митюхам-Ванюхам поддакивать,
Да, придется поддакнуть крестьянам не раз,
Пролетарские мысли свои обволакивать
В цвет приятный для их недоверчивых глаз.
Невеликая прыть в нашем „новом“ разбеге,
Потому—на крестьянской мы едем телеге.

Перемаемся мы не один еще год,
Пока будет у нас быстроход-самоход.
Сами ль сделаем мы самоход электрический,
Иль придется нам части к нему прикупить,
Но пока, став на путь деловой и практический,
Мы должны кое-где, кое в чем уступить.

Кто кому удружит в этой хитрой механике?
Тут опасность видна, как ее ты ни прячь.
Но... чем зря предаваться губительной панике,
Мы должны наши мускулы крепче напрячь!
„Арендатель“ учнет „свое“ дело налаживать

И Митюху с Ванюхой умильно обхаживать:
— „Вот уж, мил-лаи, я вам добра припасу!“
Если мы, отойдя в это время в сторонку,
„Арендателю“ шустрому плюнем вдогонку
И... начнем ковыряться лениво в носу,
Не стесняясь волынить на наших заводах,
То на кой тогда чорт нам сидеть в воеводах?
Все увидят, что ломаный грош нам цена.

„Новый курс“—это долгая, злая война:
Арендаторский фронт—предприимчивый, белый.
Государственный фронт—красный фронт трудовой.

Только натиск решительный, бодрый и смелый,
Только труд наш настойчивый, честный, умелый,
Окропит наши раны водою живой.
Нервы связи хозяйственной, фабрик и пашен
Удержите в хозяйственных ваших руках,—
И тогда никакой нам противник не страшен!
Куйте вашу победу на ваших станках!!!

Октябрь 1921

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
— „А ну-ка, миленький, а ну-ка,
Что говорит твоя хваленая наука?“
— „Да вот... рассказ про паука“.
— „Ась?—екнуло у старика:—
Паук?.. Ну, что же он, к примеру?“
— „Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.
Добро, что нет средь пауков
В рост человечий великанов:
Такой паук бы съел в день дюжину быков
И дюжину баранов“.
— „Ух!—захлебнулся старичок!—
Ай, божья тварь! Ай, паучок!
Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,
Уж то-то бы... хозяин получился“.

1914

ПЕРЕШИТАЯ РЯСА

Мишка Шариков—молодчина,
Шустрый такой был купчина:
До сорока лет не дожил,
Отцовские капиталы приумножил:
Лесной склад—не окинуть взглядом,
Да два дома рядом,
Да... еще мало ль что было?
Было, да сплыло!
Как „наслал бог" на купцов беду
В восемнадцатом году,
Пришлось приютиться Мишке
В чужом домишке,
Продавать чуть не последнюю одежку,
Перебиваться с хлеба на картошку.
И зачастил тут Мишка в церковь божью,
Задрожал его голос этакой дрожью,
На лице разлилось этакое выражение.
Возлюбил Мишка церковное богослужение,
Стал попу кадило подавать,
На клиросе подпевать.
Этак с год пропономарил,
Потом архиерею челом ударил,
А, может, и еще чем ударил в придачу,
Трудно решить эту задачу,

Когда на дверях архиерейских задвижка.
Но какой бы секрет задача ни таила,
Факт тот, что купчина, Шариков Мишка,
Превратился в отца Михаила
И во главе небольшого прихода
Священствовал до двадцать второго года.
То очередная служба, то треба...
Не сидел отец Михаил без хлеба,
О дне грядущем не так уж беспокоился,
Неважно, а все-таки устроился:
Не очень сытно, но и без голодухи.
Ан в скорости пошли слухи
Про этот самый проклятущий нэп.
Появился он хилый, но быстро окреп.
Пошла везде неразбериха великая,
Зашныряла дельцов орава многоликая,
Шныряли дельцы да покрякивали,
Лавки, что пузыри на болоте, вскакивали,
Каждый старался „поймать момент“,—
Тут зашумело, там загудело,—
Отца Михаила старый конкурент
Раздул в полгода новое дело.
Отец Михаил ходит, славит Христа,
У самого ж от досады кривятся уста:
— „Купцы какие, гляди, объявилися,
Чтоб вы прибытками подавилися!
Прикрыла бы вас гробовая доска!“
И взяла попа ужасная тоска
И такая неуемная тревога,
Что возроптал он на бога:
— „На что я надеюсь? И чего я жду?
Обманул меня, боже, ты в восемнадцатом году,

И в двадцать втором обманул меня тоже.
Так обману же и я тебя, боже!“
И, полный чувства задорного,
Перед образом Спаса нерукотворного
Загасил поп неугасимую лампаду.
С той поры по лесному складу
Снова Мишка Шариков похаживает,
Отросшее брюхо рукою поглаживает,—
И ежели рабочий—то один, то другой,
Завидя хозяина издали, расхохочется:
— „Что-то у тебя, хозяин дорогой,
Поддевка по земле почти что волочится,
И опять же не в меру широки рукава?“
То хозяин ворчит на такие слова:
— „Чего над поддевкой смеетесь, лоботрясы?
Известное дело, перешита из рясы!“

СВЯТАЯ ИСТИНА

БАСНЯ

Недавно книжечку читая
Про древних мудрецов Китая,
Набрел я на такой рассказ.

Случилось как-то раз
Китайскому купцу—стара порода эта!—
У мудреца спросить совета:
— „О мудрый! Я хочу, чтоб ты мне дал урок,
Как мне разбогатеть в возможно краткий срок?“
И дал мудрец купцу ответ такого рода:
— „По-моему, того, кто плутни пустит в ход,
Разбогатеть желая в год,
Должно повесить чрез полгода!“

Для современных нэпачей,
Скоропалительных рвачей,
Чье бесшабашное стяжательство известно,
Обдумать басенку сию весьма уместно.

НЕ УГОДИЛИ

Есть такие белогвардейские эпилептики,
Отчаянные скептики,
Кивающие головами сокрушительно,
Не верящие ничему решительно:
Советская власть—не власть
(„Чтоб ей пропасть!“),
Советские законы—не законы
(„Хоть карающий меч... Ох, и меч-то!“),
Советские миллионы—не миллионы,
А так—эфемерное нечто.—
Газеты? Сплошное вранье телеграмм
С подлинной действительностью совершенно
не вяжется...
Словом, ежели солнце восходит по утрам,
То это... только нам кажется,
А правду говоря,
С пресловутого „Октября“
Семнадцатого года
У нас ночь без исхода!

Намедни этакий типик скептический
Зашел в магазин гастрономический:
— „Устрицы есть?“

— „Не имеется".
— „Само собой разумеется!..
А бананы?"
— „Нету-с".
— „Ананасы?"
— „Тоже.
Не привозный товар-с".
— „Тэк! (Ухмылка на роже.)
Вот и прелести нэпа, столь громко воспетого.
Право, есть от чего приходить тут в восторг!
Нет бананов... Скаж-ж-ж-жите!.. И верь после
этого,
Что „у них" существует какой-то... Внешторг!!"

23 сентября 1922

В ТУМАНЕ

Хо-хо-хо!.. Эка, братцы, проклятая мгла...
Эй, не спи, подбодрись!.. Еще будут дела.
Приготовьтесь, друзья, к неожиданной встрече,
Скрыты мглою, враги сторожат нас кругом.
Мы вчера посчитались не с главным врагом.
Главный враг где-то рядом, от нас недалече.

Хо-хо-хо!.. Для уныния нету причин.
Кто сказал, что вчерашняя битва—ошибка?
Это, братцы, была генеральная сшибка,
Генерального боя—великий почин.
Не затем мы свершили такое начало,
Чтобы нас укачало
Мертвой зыбью бездонных пучин.

Капитан на посту. Его глаз осторожен.
Его твердой рукой руль направо положен.
Пусть кричат наши пленники в трюме: „ура!“
Мы ль смутимся теперь торжеством их поспешным?
Обреченные явственно силам кромешным,
Они были напуганы крепко вчера,
Новый курс окрылил им сегодня надежды.
Лица их и одежды
Омрачат ли нас праздничным видом своим?

На постах боевых мы спокойно стоим.
Чутким ухом мы ловим призыв капитана,
Что ведет наш корабль средь густого тумана,
Средь бесчисленных явных и тайных преград,
Средь врагов, притаившихся где-то лукаво:

— „Впе-ре-ед!..“—„На-за-ад!..“
— „На-ле-е-во!..“—„На-пра-а-во!..“
— „Кре-п-пи-и па-ру-са-а-а!..“

И, певцу, любо мне средь натянутых тросов
Видеть чудо-работу героев-матросов,
Слышать громкие, бодрые их голоса:
— „Е-е-е-есть!..“

КОПАЮТ ГЛУБЖЕ

Осенью 1922 лета,
Не поехал я на перевыборы Петросовета.
А раньше при каждых выборах голосил
Что было сил.
Чем объясняется перемена эта?
Тем, что нет острой нужды в моей агитации:
Меньшевиков и эсеров и без моей аттестации
Нынче рабочие отовсюду гонят:
Подлый смысл их работы всеми понят,
Их близкое будущее—замурованный склеп.
Остается нэп.
Тут иные коммунисты тревожатся:
Нэпманы, дескать, сильно множатся,—
Нэпманы многому научились, изловчились,—
Как бы они в Советы не просочились,
Как бы не проникли в беспартийные наши резервы!
На мой взгляд, тут не из чего расстраивать нам свои нервы.
Наш Совет не английская Нижняя палата,
Где каждый банк имеет „своего" депутата,
Чей голос с банковскими бюллетенями согласуется,
Беря директиву в банковском приказе.
Наш нэпман Советами мало интересуется,
Особливо в нынешней, „восстановительной" фазе.

Почему это так, поговорим при другом случае.
Нэпман устраивает свое благополучие
С чувством, с толком, не спустя рукава.
Он верит в закон „величайшей непреложности".
— „На кой мне чорт советские права,
Когда я имею внеправовые возможности!"
А „возможности" эти, увы,
Таковы,
Что с ними нам, ой, как надо бороться,
Чтоб на большую беду не напороться.
И эту основную беду
Должны мы иметь постоянно в виду.
С внешним почтеньем к советскому фасаду,
Поджидая для себя подходящей поры,
Нэпман ведет тыловую осаду,
Подводя под фундамент взрывные шнуры.

19 октября 1922

VIII. ВСЯКОМУ СВОЕ

Демьян Бедный—мастер сатиры. В общественной жизни имеется немало дефектов. Их не так-то легко изжить, и не всегда они подвержены наказаниям. Против них есть другое и могучее средство: насмешка. Общественная сатира карает язвительным смехом трусость, мещанство, ханжество, самодовольство, тупое невежество и пр.

ВСЯКОМУ СВОЕ

Весенним теплым днем
Свинья с конем,
Гуляя по двору, нашли клочок газетки.
Савраска грамоту немного разумел,
Так потому прочел хавронье, как умел:
— „Про-вин-цияль-ные заметки!..
Про-вин-цияль-ные... Словцо-то, бог ты мой!“—
Конь долго разбирал. Свинья коню внимала,
Хоть ни черта не понимала.
— „В борьбе с бесправием и тьмой“...
В порыве к истине и свету...
Наш пред народом долг прямой“...
— „Брось,—хрюкнула свинья,—ужо нашли газету!
Плетет незнамо что, а главного и нету:
Насчет помой!“

1913

СИЛУЯН

Нашла тоска на Силуяна:
— „Тьфу, окаянная пора!
Как оплошал народ: ни одного двора,
Где б не было изъяна.
Куда ни сунешься—прямая нищета:
Ни хлеба, ни скота.
Где лошаденка есть, так беспременно кляча.
Повеситься, такая незадача:
На все село—лихой хотя б один конек!
Хотя б один!“
Бедняк лил слезы чуть не градом.
Из-за чужих коней?!. А так! Ведь паренек
Был... конокрадом!

1913

ЖУК И КРОТ

В момент весьма серьезный
(Обжоре хищному, Кроту, попавши в рот)
Взмолился Жук навозный:
— „Не ешь меня, высокородный Крот!
Ты знаешь сам, слыву я жестким блюдом,
Меж тем, живым я—побожусь!—
Тебе в чем-либо пригожусь".
Внял Крот мольбе каким-то чудом:
— „Ин так и быть, живи,
Комар тебя язви!
Желудок свой изнежив червяками,
Намедни, впрямь, его расстроил я жуками
И натерпелся мук.
А ты как будто славный малый:
Храбрец и говорун. Должно, взаправду, Жук
Бывалый.
Послушай: по душам потолковав со мной,
Уж вот как ты меня обяжешь,
Когда мне обо всем, что знаешь, порасскажешь.
Хотелось бы мне знать, к примеру, как весной
Благоухают розы.
Слыхал я стороной,
Что аромат у них довольно недурной".

— „Душок — божественный!“ — утерши лапкой
слезы,
Счастливый Жук жужжит Кроту
И, чтобы отплатить ему за доброту,
Желая показать, как дивно пахнет роза,
Подносит... шарик из навоза.

На вкус и цвет
Товарища, как говорится, нет.

1912

ГОСПОДСКИЙ ТУК

Посвящается господам любителям отечественной старины

Тук — жир.

Ягодицы — самая нежная назади у человеческого туловища толстая, мясистая, туком наполненная часть, раздвоенная вдоль на две будто круглые подушки, которыми человек на что-нибудь садится.

(Из „Словаря Академии Российской", 1794 года)

При „матушке Екатерине"
Помещик, нежась на перине
И уплотняя барский тук,
Читал взасос словарь толковый,
Добыв себе подарок новый
Из Академии Наук.

Словарь ученый, ясный, точный.
Язык—художественно-сочный.
У бар „ученых" в оны дни
Познанья были так глубоки,
И были все большие доки
По части ягодиц они.

В экстазе некоем и жаре
Воспели ягодицы баре,
Лишь помянуть забыв о том,
Что „части, коими садятся,
У мужиков на то годятся,
Чтоб их расписывать кнутом“.

Воюя нынче с нами, барство
Нам прочит вновь царя на царство
С тем, чтоб прижать „мужичью тварь“.
Но... безнадежен натиск ярый,—
Не оживет „российский“ старый
Академический словарь.

Лишились баре прежней власти,
И все мясистые их части
Весь растеряли барский тук,—
В гробу воняет их утроба,
И входят гвозди в крышку гроба
Под молотков рабочих стук!..

ОТЕЦ АНЕМПОДИСТ— „ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ“

Рождеству сущу,
Отцу же Анемподисту, животом трясущу
И грядущу по селу
Воздати господеви хвалу,
Рече кузнец Памфил, безбожник окаянный,
Хулитель церкви постоянный:
— „Это, батя, не гоже:
По всем домам орешь „Рождество твое, Христе боже!“,
А не заходишь ко мне.
У меня портрет Карла Маркса на стене.
Споешь мне „Интернационал“ перед этим портретом—
Буду ковать тебе лошадей зимой и летом.
Отвеща Анемподист, свернув к Памфилину двору:
— „Не врешь?“
— „Не вру!
Мое слово честное!“
Сотворив знаменье крестное,
Анемподист в дом к Панфилу вниде
И воспе „Интернационал“ в лучшем виде.
Велико бе изумленье кузнеца Памфила.
— „Тьфу ты, нечистая сила!
До чего ж ты, батя, наловчился!
Да от кого ж ты „Интернационалу“ научился?“
Сплюнув трижды у дверей,

Отвеща священноиерей:
— „Наслушался я сего гимна неподобного
От моего чада единоутробного,
От Петрухи-сорванца
Понеже он отрекся от матери и отца,
Ни весть по каким собраниям шатается,
В комсомоле, вражий сын, обрета-а-а-а-ется-я-я!“

25 декабря 1924

НЕУЖТО ПРАВДА?

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

— „Ох, и не говорите, милая!
Уж, наверно, пол-Москвы исходила я
С моим постылым мужем.
Ходим мы да тужим,
Ходим не находимся:
Бракоразводимся.
Сюда, туда тыкаемся,
По комиссариатам мыкаемся.
Жили мы, можно сказать, в убогости,
А тут с разводом пошли такие строгости!
Голова валится, бивши поклоны.
Ноги гнутся—надоело стоять.
Говорят, вернулись старые законы:
Только и выкинули, что букву ять!“

29 сентября 1922

ГРЕШНИК

Усовершенствованная гильотина.

Некий инженер Прюм представил в Совет Народных Комиссаров проект усовершенствованной гильотины. Гильотина приводится в действие электрическим током, посредством кнопки, при чем рассчитана на единовременное обезглавливание 500 голов. Местом казни Прюм советует избрать Петропавловскую крепость.

(Одна из выдумок перепуганных кадетов—см. „Наш Век", 9 декабря 1917 г.)

„Смерть грешника тяжка",
Так где-то сказано, примерно.
И это—верно:
Смерть грешника тяжка!

Как тать, исподтишка
Подкралась к Псою смерть, схватила
За горло богача костлявою рукой.
В предсмертном страхе воротила
Стонал, рычал на весь покой,
Выл ошалелым матом,
Рвался и корчился, хоть связывай канатом.

Ревели бабы. Поп возился у даров.
Дьячок вздувал кадило.
Народу—полсела входило, уходило.
— „Псой, бают, крепко нездоров?“
— „Какое нездоров: кончается, гляди-ко!“
— „Ох, мать моя, орет как дико!“
— „Еще бы не орать:
Чай, неохота помирать!“
— „А сам-от бедняков скольких он сжил со света?“
— „Лишал последних потрохов“.
— „С чего ж и мается душа, как не с грехов:
Боится Страшного Ответа!“

Когда, увидевши свой неизбежный крах,
Народные враги заране зрят картину
(Ужасный бред!), что им готовят гильотину,
Мне так понятен этот страх,
Злой страх, прокравшийся во все дворцы-палаты:
Преступники дрожат в предчувствии расплаты!

25 декабря 1917

МОЛОДНЯК

Годков тому, примерно, пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень—богатырь!
— „Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь.—
Молодняком помещик любовался,—
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В острастку мужикам... на случай своеволья!“
— „М-да! — Филька промычал, скосивши вбок
глаза:—
М-да... розги—первый сорт...
Молоднячок... Лоза...
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!“

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года всё шли да шли,—и молодняк подрос.

17 мая 1918

ПУСТЯКИ РАЗНИЦА!

Замвридзамзав, хоз-коммунист,
Товарищ Купоросов,
При сделке с нэпманом ему подсунул лист,
Анкетный лист, с полсотнею вопросов.
У нэпмана на все готов ответ.
Насчет „партийности“ и то заминки нет:
— „Партийность?.. Коммунист почти“.
— „Нельзя ль ясней?—
Сказал замвридзамзав:—Мне ваш ответ неясен.
Вы... с нашей партией?..“
— „Во всем согласен с ней!
И лишь с земельною программой не согласен“.
— „С земельной нашею программой? Вот
так раз!“
— „Да-с! Ваша ли умна, моя глупа ли,
Но разница у нас в программах такова-с:
Вы в землю бы меня охотно закопали,
А я бы... вас!“

Мне скажут: —„Это, брат, писал о дураке ты.
Лишь дураки дают правдивые ответы.
А нэпманы умны“.
И мой такой же взгляд:
Они не дураки! Тогда на кой же ляд
Мы им суем свои потешные анкеты?!

6 июня 1923

ГОСПОДСКАЯ ТЕНЬ

На Красной площади намедни три туза,
Помещик—без земли, заводчик—без завода
И хищник банковский, сидящий без дохода,
Час битый пялили глаза
На торжество рабочего народа.
Им в первомайский день с утра
Спокойно дома не сиделось:
Глазком прикинуть захотелось,
Измерить силу рати той,
Что их теснит своей железною пятой.
Налюбовавшися, пошли домой все трое.
— „Ну, как?“
— „Да так. Тоска“.
— „Казенный юбилей.
День этот проходил куда как веселей
При прежнем строе.
Ушла поэзия. Отпал волшебный фон.
Как живописен был разгон
Всей этой сволочи, сбирающейся в шайки,
Когда ее жандармский эскадрон
Возьмет, бывало, всю в нагайки!
Р-раз!—Шляпа на боку! Два!—Лопнуло пальто!—
Три!—Шайки всей как не бывало!

В участок волокут толпу. А нынче—что?!
Ушла поэзия. И красок ярких мало!"

Нетрудно угадать, как первомайский день
Расписан был потом в газетах буржуазных.
Буржуи с нами вкусов разных:
Там, где нам—солнышко, для них—сплошная тень.

30 мая 1918

СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЕ

Необычайные явления в климате и катастрофы в природе... Признаки очень жаркого климата перед ледниковой эпохой... Возмущения на всем теле земли. Землетрясения, извержения вулканов, засухи и поражения водою, внезапные размножения в мире животных и растений, эпидемические болезни... Космические причины изменения климата и грядущая гибель земли... Возможное вступление солнца в туманное облако и наступление нового обледенения на земле... Угасание солнца и его распадение... Вероятность сближения и столкновения нашего солнца с другим солнцем... Упадет ли луна на землю в будущем...

(Из афиши о лекции профессоров Баева и Боголепова в московском Политехническом музее)

История не ахти какая значительная,
Но изрядно поучительная.

Я—о Москве: что она—не студия
Для всякого словоблудия.
Надо кой-кому свернуть язык в трубку
И сделать себе на носу зарубку,

Дескать, где что скажи, а где и помолчи,
А не пускай всякие слова, как из самострела,
Потому, говорят, от копеечной свечи
Однажды Москва сгорела.
Это—первое. А второе:
Что при советском строе
Москва есть Москва,
Привыкшая к старому лохмотью,
Облекающая новые слова
Старою плотью.
Спокон веку мастерица она
Делать из мухи слона,
А из слона—гору.
В башке у нее немало вздору.
Она бережет старое и рвется к новому строительству—
По совместительству.
Слева—„пролетарии всех стран“,
Справа—пьяный ресторан.
Она не чурается красного знамени,
Но... осторожней с ее башкой,
Чтоб не доиграться до такого пламени,
Что не залить никакой кишкой.
Всякий пророк должен знать, перед кем он проповедует
И какой придавать пророчеству вкус.
Это многим ораторам следует
Намотать себе крепко на ус.

Что могут наделать иные пророки,
Покажут дальнейшие строки.

В Московской губернии, в уезде того ж наименования,
В Ленинской волости—прошу внимания!—
Есть село Ясенёвое
(Не придумано название новое).
Мужики-ясенёвцы
Суть „духовные овцы".
Пастырь стада имеется тоже
(Узнается по гриве и роже).
Держа сего пастыря на своем горбе,
Ясенёвцы забывают о себе.
Население, как след, в кооператив не обсоюзено,
Зная путь в Москву через село Зюзино.
Да путь не так прост:
На пути—провал, на провале—мост,
А на мосту—не все перекладины.
(Зюзинцами, дескать, украдены).
Бранятся мужики: „неч-чистая сила!"
А не поправляют настила,
Шпарят чрез овраг мимо моста,
Язви их короста!
Поездки нет без поломки:
Не сломают оси, порвут постромки,
Увечат несчастных лошадок.
Вот какой у ясенёвцев порядок!
А кому жаль лошадкам причинять муку,
Те делают восемь верст крюку,
Теряют драгоценное время.
А чуть про мост разговор—чешут темя.
— „Ты про что ето, дядя Ксенофонт?"
— „Да вот нужно денег на ремонт.
Через мост ни конному, ни пешему"...

— „Поди ты с мостом к лешему!“
— „По полтине на душу причисляется“.
— „Полтина тож на земле не валяется!“—
Вот про мост разговор каков
У ясенёвских мужиков.
А восемьсот рублей в год израсходовать рады
На церковные обряды,
Да тысячи две стоят хлеб и крупа,
Что идут на церковь и на попа,
Да они же тратят свободно
По восьмисот рублей ежегодно,
— Повелося так испокон,—
На привоз из Москвы двух чудотворных икон,
Иверской да Спасителя,
В сопровождении жадного священнослужителя.
Тычутся ясенёвцы в иконную ризу,
Чмокают ее сверху и снизу,
Друг от друга болезнями заражаются,
Ни на кого не обижаются.
Прямо сказать, дикари.
Вот с такими поговори!
Подходить к ним надо с понятием,
Потому—за малым изъятием—
У них грамотность не выше лошадиной:
На двести дворов—газетки ни единой!
Только новостей, что поп
Расскажет им в воскресенье:
Где-то был потоп,
Где-то—землетрясенье,—
Сии, дескать, наказания
Суть господни предуказания
Насчет близости трубного гласа.

— „Не весте бо ни дне, ни часа...
Прогневася господь зело...“
Вот какое село!
Вот какое культурное убожество!
А таких сел—множество.
Сам я—Демьян—
Живу возле деревни Листвян,
Расписать ее полон искушения,
Но не спешу портить добрососедские отношения.
И каждый день, каждый день
Из таких сел и деревень
Плывут в Москву мужицкие потоки,
Вливая в нее деревенские соки
И—слово за слово, проторенным следом—
Наполняя ее суеверным бредом,
Превращая ее—дело плевое!—
В огромное село Ясенёвое,
Бьющее поклоны
У Иверской иконы
И у Спасителя-Христа
И передающее из уст в уста,
Что появились на улицах объявления
Насчет светопреставления,
Что средь народу идет большая тревога...
— „Да говори тише, ради бога!“
— „Чего „ти-ш-ше“?
Сама читала в афише!!“

Оставим Ясенёвое в покое.
Село—не назову, какое,—
Насмотревшись на кулацкие „обирации“,
Додумалось до своей кооперации,

Собрало деньги с большим жаром
И послало двух мужиков в Москву за товаром—
Ерему Тулупина
Да Фому Козолупина.

Покатили Ерема да Фома.
Вот и Москва-матушка сама,
Как только отошли мужики от Ярославского вокзала,
Тут Москва себя и показала.
Трактиров—неисчислимое количество,
Горит ярко электричество,
Время к ночи, а свет дневной.
Подошли мужики к одной пивной,—
Ход в пивную заблеван,
А на окнах рак с пивом намалеван.
— „Эх-ма!
Зайдем, что ли, Фома?"
— „Да там, знаш, публика разна"...—
Фома удержался от соблазна,
Сделав усилия сверхъестественные:
— „При нас, вить, деньги опчественные".

Пошли дальше. Прошли мост.
Смотрят—людской хвост:
Стоят мужики, бабы, мальчишки
У какой-то заборной афишки,
А какая-то личность средь общего молчания
Читает афишку и дает примечания:
— „На етом плакате
Говорится, что в нонешнем годе
Будут „необычайные явления в клеймате
И катастрофы в природе".
Была на земле прежде адская жара,

А после жары—ледниковая пора.
Нынче вновь земля припекается жарою
Перед тем, как покрыться ледяною корою.
Наука еще не раскусила,
Вблизи наш конец, аль—вдали,
Но ясно, что какая-то сила
Возмущает все тело земли.
Мы видим, как сотрясаются страны,
Как извергают пламя вулканы,
Как идут беда за бедою:
То засуха, то пораженья водою,
То вспышки внезапных размножений
В мире животных и растений,
То болезни повальные...
Да, времена наступили печальные.
По этой самой причине
Два ученых в профессорском чине
Читают—там-то, такая-то плата—
Про то, что в афише здесь привели.
„Космические причины изменений клеймата
И грядущая гибель земли".
На небе, дескать, стало
Порядка мало:
Все летит, куда попало.
Солнце может столкнуться с той или этою
Неизвестной агромадной планетою,
Или на другое солнце напорется,
Чем гибель земли ускорится,—
Либо солнце вступит в облако туманное,
Тогда земля превратится в тело бездыханное,
Либо оттого погибнет она,
Что на нее свалится... луна!"

Обалдев от такого разъяснения афишки,
Ерема с Фомою ноги подмышки,
И, очнувшись средь какого-то трактира,
Стали обсуждать „кончину мира“,
Не забыв заказать—для прочистки глотки—
Бутылку водки.
После первой бутылки
Скребли уныло затылки.
После второй
Проклинали советский строй,
Почем зря его кроя:
— „Из-за етого строя,
Растуда его туда,
Такая беда!“
— „Во всем мире суматоха!“
— „Ты подумай: лидяная епоха!“
— „Рази ж неправда, всамделе:
Земля возмущается во всем своем теле!“
— „Эх, сделал я, Ерема, промашку:
Понапрасну увеличил запашку!“
Третья бутылка себя оказала,
Совсем мужикам языки развязала:
Они громко кончину мира оплакивали,
А кругом пьяные люди поддакивали,
Матершиня источно.
— „Беспременно погибнем этой зимой!“
— „К чему налоги платить тогда
срочно?!“
Что было дальше, Ерема с Фомой
Не помнили точно.
Не то они в две глотки орали:
— „Кар-р-ра-ул!!“—„О-бо-кра-ли!!“—

Не то, Фому ухвативши за ворот,
Кто-то орал:—„Вы зачем пришли в город?
Контр-р-ре-во-лю-ци-о-не-ры!!“

Появились милиционеры,
Ухватили под жабры Ерему и Фому,
Так что было чувствительно и этому и тому,
И поволокли в каталажку милицейского отделения,
По случаю „светопреставления“.

Вернувшись чрез неделю домой,
Ерема с Фомой
Пред всем народом у сельсовета
Рассказали все о кончине света
И к чему их эта новость привела:
Не будет кооперативной лавки у села,
Общественные денежки крахнули.
Мужики ажно ахнули!
Загалдел народ, в светопреставленье поверя:
— „До лавки ли теперя?!“
— „Довели большевики окаянные!“
— „Наступают времена покаянные!“
— „Господи-Сусе-Христе, сыне божий!“—
А вокруг уж вертелся поп краснорожий,
Талдыча насчет трубного гласа:
— „Не весте бо ни дне, ни часа!“

В черном страхе, внимая ему,
Порешило село—с криком, стонами—
Тех же Ерему да Фому,
Не считаясь с дорогими прогонами,
Гнать в Москву за чудотворными иконами.

Молва об афишах—вранье заразительно!—
Из Москвы в деревни поползла, поползла,
Кому-то это шарлатанство пользительно,
Но темной деревне—не учесть приблизи-
тельно,
Сколько чушь эта может причинить ей зла!

Но вот что досказано московской
„Рабочей Газетой"
Обо всей афишной чепуховине этой:

Ученые много лет бьются над разрешением загадки: периодической перемены климата. Оттепели зимой и зима летом бывали и раньше. Наши темные предки при таких переменах климата каждый раз готовились к „светопреставлению". Но учеными было замечено, что климат меняется как бы в определенные сроки. В наше время ученые установили и проверили эти сроки. Сейчас земля как раз находится в полосе такой временной перемены или, как говорят ученые, „возмущений климата". Оттого и наступила ранняя весна в Средней России при небывалых холодах на Кавказе.

Об этом прочли лекцию в Политехническом музее профессора Боголепов и Баев. Жаль только, что лекцию разрекламировали широковещательными, нелепыми афишами вроде „Гибель мира" и „Возможность падения луны на землю", которые собрали перед музеем толпу.

Самим же профессорам пришлось уверять публику, что если луна и упадет на землю, то это случится не раньше, как через 10 000 000 000 000 лет, и слушатели лекции могут спокойно спать: на их век земли хватит.

Март 1925

ОТ ЖИЗНИ К ТЛЕНЬЮ

Живу в грязной сербской гостинице, переполненной русскими, бежавшими от большевиков. Стены тонкие, все разговоры слышны. В соседней комнате с утра до ночи гвардейский полковник кого-то убеждает:—Я меньше, чем на крепостное право, не пойду!

(Белогвардейское письмо из Сербии)

Где-то в Сербии, в Белграде,
Не достать отсель рукой,
Ходит он при всем параде,
Неуступчивый такой!

Уж мы молим: „Бога ради!
Сделай милость, уступи!“
Но... в гостинице, в Белграде,
Ходит он, как на цепи.

Ходит он и все бормочет
Неизменные слова:
— „Уступить?!—Он зло хохочет...—
Нет, уж дудки! Чорта с два!“

Что нам делать, боже правый?
Как подумать, жуть берет:
Неужель полковник бравый
Так, не сдавшись, и помрет,

Чтоб затем, зловещей тенью
К нам являясь раз в году,
Бормотать: „От жизни... к тленью...
Я на меньшее нейду!“

1921

НЕ ИНАЧЕ

Учитель в сельской школе
Задал задачу Миколе,
Сынку кулака Прижималова,
Жавшего и старого и малого:
— „Вот тебе, Миколка, арифметическая
задача:
У мужика, скажем, подохла кляча
И нужда прет изо всех щелей
После летошнего недорода.
Так он одолжил у твоего папаши сто рублей
И вернул ему четвертную через полгода.
— „Потому,—говорит,—что сразу не могу".
Так на сколько рублей он остался в долгу?"
— „На сто рублей, не иначе",—
Подивился Миколай простой задаче.
— „Эх,—покосился учитель на Миколку,—
Не будет из тебя толку.
Ты не горячись, подумай хладнокровно.
Мужик заплатил папаше полсотни ровно,
Так сколько осталось в недодаче?"
— „Сто рублей, не иначе".
— „Сто рублей?"
— „Сто рублей".
— „Пошел вон, дуралей!

Половину заплатить, останется половина.
Не знаешь арифметики, дубина!“
— „Да рази ж я совсем без головы,—
Раздался обиженный голос Миколаши,—
Я арифметику знаю, а вот вы
Не знаете моего папаши“.

Когда иностранные живоглоты
Строчат нам каверзные ноты,
Предпринимая подлые шаги,
Чтобы содрать с нас царские долги,
И при этом задолженность нашу
Не определяют даже приблизительно.
Нам вспомнить Прижималова-папашу
Весьма и весьма пользительно.
Клади хоть на сто рублей по сту,
Все равно останешься должен этому прохвосту.
А поэтому при разговоре с этими псами...
Ну, вы понимаете сами...

1924

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

„Оправданная“ 5
А. Ефремин. Вступительная статья 9

I. Новь

Юной гвардии 19
„Куриный Брод“ 21
Черкасские мужики 32
Клятва Зайнет 36
„Товарищ борода“ 41
Разгадка 44
Сапожник-безбожник 50
Три сигнала 52

II. Каиново наследство

Каиново наследство 55
Самогон-коммунисты 63
До бесчувствия 68
Помрачение 70
Крещение 71
Херувимская 73
Миропомазание 74
Верная примета 75
„Христос воскресе“ 77
Катавасия 78
Слово на питие 80

Стр.
Во имя 81
Темнота 83
За советским прилавком 85

III. Так было, но так не будет вновь

Так было, но так не будет вновь 89
Пауки и мухи 90
Попы—трутни, живут—на плутни 92
Урожай 94
На что покойнику сапоги? 95
Сынок 96
Чиж-трезвенник 98
Илья очищенный 101
В церкви 103
Дом 104
Риск 109

IV. Гуманность

Гуманность 115
Добряк 117
Благотворитель 118
Хозяин и батрак 119
Опекун на старый лад 121
У господ на елке 123
Семена 126
Благодетель 129
Благодарность 130
Рабовладельцы 131

V. Притон

Притон 139
Опекун 142
Гастроном 144
Пари 145
Размахнулся б я басней задорною 146
Административный „Соломон“ 147
Правдолюб 149

Стр.

VI. Лицедеи

Лицедеи 153
Паук, муха и пчела 155
Корней 158
Толкователи 160
Свеча 162
Соглашатели 164
„Ме-ме“ 166
Предателям 168

VII. О нашем новом экономическом курсе

О нашем новом экономическом курсе 173
Хозяин 176
Перешитая ряса 177
Святая истина 180
Не угодили 181
В тумане 183
Копают глубже 185

VIII. Всякому свое

Всякому свое 189
Силуян 190
Жук и крот 191
Господский тук 193
Отец Анемподист—„интернационалист“ 195
Неужто правда? 197
Грешник 198
Молодняк 200
Пустяки разница! 201
Господская тень 202
Светопреставление 204
От жизни к тленью 214
Не иначе 216

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА, центр, Ильинка, 15.

ЧИТАЙТЕ О ТВОРЧЕСТВЕ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

КНИГУ А. ЕФРЕМИНА:

„ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ
И ИСКУССТВО АГИТКИ“

72 стр. Ц. 80 коп.

...ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ—большой мастер. О нем много писали. Его часто хвалили. Но отдельные стороны его творчества еще недостаточно вскрыты. Так, почему-то до странности мало внимания уделено его агитке, классическому образцу агитационной поэзии. У нас об агитке вообще почти ничего не писали, а некоторые сочли свой долг исполненным после того, как агитку презрительно обругали и забыли.

Это ошибка. Агитка заслуживает внимания, а у первейшего ее мастера, у Демьяна Бедного, можно многому в этом искусстве научиться.

Характерные черты агитки удобнее всего проследить в боевых стихах Демьяна Бедного, на батальной поэзии эпохи гражданской войны. Это—творчество высокого достоинства. О Демьяновской агитационной поэзии еще будут писать. Ее будут изучать. Ей станут подражать. Ведь гражданская война еще не миновала. Она пронесется знойным смерчом по Европе и Азии, по отдаленным странам света. Пролетарии иноземных государств будут формировать боевые полки, будут проводить мобилизации, будут яростно сражаться, и в огне войны им понадобится песня, громкая, звучащая, победная—Демьяновская батальная поэзия...

(Из предисловия)

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
„ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“
МОСКВА, центр, Ильинка, 15.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

СБОРНИКИ СТИХОВ:

БАГРИЦКИЙ Э. Юго-запад. 104 страница Ц. 1 р. 50 к., в папке 1 р. 75 к.

В сборнике собраны лучшие и наиболее значительные стихи и поэмы Багрицкого, этого яркого, своеобразного романтика революции.

Поэт не замыкается в раковину личных переживаний, а увязывает свою лирику с большими и интересными темами современности.

ОБРАДОВИЧ С. Поход. (Допущено ГУС'ом для школьных библиотек II ступени.) 136 стр. Ц. в папке 1 р. 75 к.

Гражданская война и революция, фронт 1918—1920 гг., город и деревня, Ленин, труд, стройка, любовь, семья—основные темы пролетарского поэта.

Книга стихов о человеке в революции заканчивается большой поэмой из жизни заводской окраины в годы разрухи и голода.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ СБОРНИК СТИХОВ
М. ТАРЛОВСКОГО
ИРОНИЧЕСКИЙ САД

Цена 1 р. 10 к.
Папка 25 к.

Новая цена 2 2р

Адрес Издательства (Правление):
Москва, центр, Ильинка, 15

Центральный Книжный Склад:
Москва, Лубянский Пассаж, помещ. 25

КАТАЛОГИ по требова

000075600 3
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA CHAPEL HILL